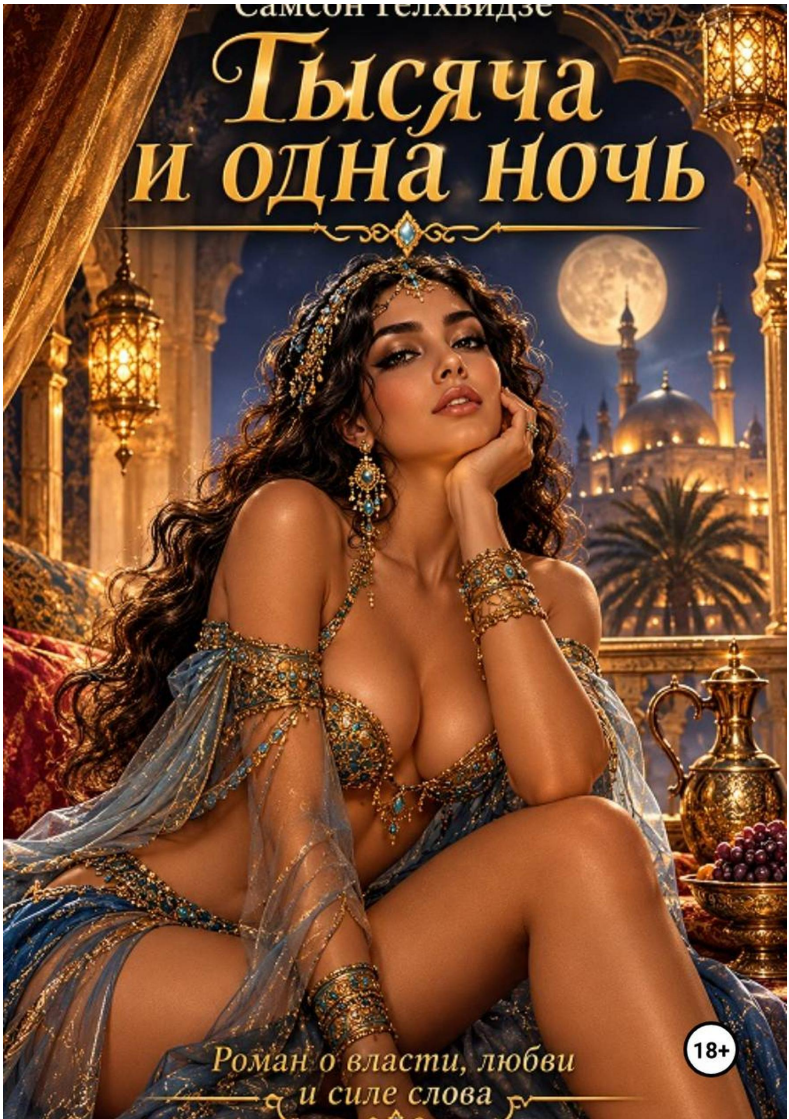
Самсон Гелхвидзе

Тысяча и одна ночь



Роман о власти, любви и силе слова

18+

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

Тысяча и одна ночь — историко-литературный роман

https://litres.ru/74994223
SelfPub; 2026

Аннотация

«Тысяча и одна ночь» — историко-литературный роман, в котором знаменитая восточная традиция получает новое художественное прочтение. За атмосферой дворцовых покоев, шумных багдадских улиц и таинственных архивов раскрывается глубокая история о человеческом выборе, власти, предательстве и ответственности.

Особое место занимает образ Шахерезады — женщины, чьё оружие не меч и не богатство, а ум, терпение и сила слова. Её истории постепенно меняют не только характер Шахрияра, но и саму систему его представлений о справедливости. Параллельно развивается сложная интрига, связанная с тайной печатью, исчезнувшими людьми и преступлениями, которые долгие годы скрывались за авторитетом власти.

Автору удалось соединить восточный колорит, напряжённое повествование, семейную драму и философские размышления. В центре произведения — мысль о том, что никакая власть не может быть выше ответственности, а молчание перед

лицом несправедливости нередко становится её невольным соучастником.

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

Тысяча и одна ночь — историко-литературный роман

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

Роман

ПРОЛОГ

БАГДАД. ГОРОД ЗОЛОТА, ЛЮБВИ И ТАЙНЫХ ЖЕЛАНИЙ

Ночь опустилась на Багдад, словно прекрасная восточная женщина набросила на город прозрачное покрывало из тёмного шёлка, усыпанного звёздами. Дневная жара постепенно отступала, уступая место прохладе, и улицы, ещё недавно наполненные торговым шумом, преображались. За распахнутыми окнами зажигались светильники, в садах начинали журчать фонтаны, а над крышами домов разливались ароматы жасмина, розовой воды, благовоний и приготовленных к вечерней трапезе блюд.

Багдад умел праздновать жизнь. В этом городе умели торговать, любить, обманывать, мечтать и наслаждаться каждым мгновением, словно следующего дня могло вовсе не наступить. На больших базарах ещё не расходились последние по-

купатели, в чайханах спорили поэты и философы, а в многочисленных увеселительных заведениях уже начиналась совсем другая жизнь.

За тяжёлыми резными дверями богатых домов собирались гости. На низких столиках появлялись серебряные кувшины, блюда с финиками, гранатами, сладостями и пряностями. Музыканты настраивали уд, перебирали струны кануна, пробовали звуки флейт. В полумраке залов зажигались красные фонари, отбрасывавшие на стены причудливые отсветы. Молодые танцовщицы в расшитых золотом одеждах готовились выйти перед гостями, а их украшенные браслетами руки уже невольно повторяли движения будущего танца.

В одном из таких домов, принадлежавшем состоятельному купцу, в эту ночь обещали особенно пышное представление. Хозяин пригласил известных музыкантов, нескольких поэтов и людей, чьи имена предпочитали не произносить за пределами подобных собраний. Здесь можно было встретить торговца, за один вечер способного приобрести целый караван, придворного чиновника, тайно проигравшего состояние, и молодого красавца, который считал себя неотразимым лишь потому, что несколько женщин однажды улыбнулись ему.

Багдад был полон подобных историй. И далеко не все из них заканчивались благополучно.

Однако за высокими стенами халифского дворца царила совсем иная атмосфера.

Дворец Шахрияра был настоящим городом внутри города. Его многочисленные внутренние дворы украшали мраморные колонны, бассейны с прозрачной водой, фруктовые деревья и редкие цветы, привезённые из далёких стран. В галереях висели ковры невиданной красоты, потолки сверкали искусной мозаикой, а в огромном тронном зале стоял золотой трон, перед которым склонялись самые могущественные люди государства.

Но роскошь не приносила его хозяину счастья.

Халиф Шахрияр был ещё сравнительно молод, обладал внушительной внешностью, властным голосом и тем особенным выражением лица, которое заставляло собеседника невольно подбирать слова осторожнее. Он привык получать всё, чего желал. Его приказы исполнялись быстрее, чем успевали высохнуть чернила на документах, а малейшее недовольство на его лице могло разрушить карьеру самого влиятельного вельможи.

Когда-то он был другим.

В молодости Шахрияр любил охоту, скачки, шумные пиршества и путешествия по собственным владениям. Он мог часами беседовать с учёными, выслушивать рассказы купцов, спорить с поэтами и даже смеяться над шутками простолюдинов. Ему нравились красивые женщины, и он никогда не скрывал этого. Но больше всего он ценил преданность. Ему казалось, что богатство и власть дают человеку возможность создать вокруг себя мир, в котором никто не осмелит-

ся причинить ему боль.

Он ошибался.

Предательство, однажды вошедшее в его жизнь, оказалось страшнее любого поражения на поле боя. Оно поселилось в его душе, постепенно отравляя воспоминания, превращая нежность в подозрение, а любовь — в источник мучительного недоверия. Шахрияр не сумел отделить поступок одного человека от всего человеческого рода. Он перестал верить женщинам, затем перестал верить мужчинам, а со временем обнаружил, что подозревает даже тех, кто годами служил ему безупречно.

Его младший брат, правитель соседнего царства Шахземан, однажды попытался образумить его. Братья долго беседовали наедине, вспоминали детство, прежние путешествия и людей, которых знали оба. Но разговор закончился ссорой. Шахрияр не пожелал услышать даже тех слов, которые могли бы вернуть ему хотя бы часть прежнего спокойствия.

С тех пор в его дворце действовал страшный порядок. Каждую ночь халиф выбирал себе новую жену, а с рассветом отдавал визирю приказ, после которого ни одна из несчастных уже не возвращалась к родным.

Город знал об этом. Город шептался. Город плакал за закрытыми дверями.

И всё же никто не решался открыто выступить против повелителя.

Однажды вечером, когда во дворце завершался очередной

приём, Шахрияр сидел у открытого окна и наблюдал за огнями Багдада. Внизу, за дворцовыми стенами, город жил своей привычной жизнью. Доносились звуки музыки, смех, голоса запоздалых прохожих. Где-то играли на флейте, и мелодия, подхваченная ветром, достигала самых дальних дворцовых покоев.

Халиф слушал её с мрачным выражением лица.

— Позвать визиря, — приказал он стоявшему у дверей слуге.

Через несколько минут перед ним появился пожилой государственный сановник. Это был человек осторожный, умевший годами сохранять своё положение среди придворных интриг. Но в последнее время даже его выдержка начинала давать трещины.

— Ты хотел меня видеть, повелитель?

— Садись.

Визирь поклонился и занял место напротив.

— Скажи мне, — произнёс Шахрияр, не отводя взгляда от ночного города, — почему люди так любят веселиться?

Визирь несколько растерялся.

— Наверное, потому, повелитель, что жизнь коротка, а радостей в ней не так много.

— Странный ответ. Ты считаешь, что жизнь коротка?

— Для каждого человека, мой господин.

— А если человек обладает властью продлить её другим или оборвать по своему желанию?

Визирь почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Даже тогда, повелитель, он не может распоряжаться судьбой так, как ему заблагорассудится. Есть вещи, которые не подвластны ни одному человеку.

Шахрияр медленно повернул голову.

— Ты стал философом, визирь?

— Я всего лишь старый слуга, который иногда позволяет себе думать.

— Осторожнее со своими мыслями. Они могут оказаться опаснее слов.

Визирь склонил голову.

В этот момент за окнами особенно громко ударили барабаны. Судя по всему, где-то неподалёку начиналось праздничное представление. Шахрияр усмехнулся.

— Посмотри на них. Они танцуют, поют, влюбляются, обещают друг другу вечную преданность. А потом предают. Разве не забавно?

— Не все люди одинаковы, повелитель.

— Ты опять споришь со мной?

— Нет, господин. Я лишь прошу тебя не судить обо всех по поступку одного человека.

Шахрияр резко поднялся.

— Довольно! Завтра вечером я хочу видеть во дворце новую невесту. Ты понял?

— Да, повелитель.

Визирь поклонился и вышел, чувствуя, как с каждым по-

добным приказом на его плечи ложится всё более тяжёлый груз.

Его звали Абд аль-Хасан. За долгие годы службы он привык к опасностям дворцовой жизни, но теперь каждое утро приносило ему новое испытание. Именно он должен был находить девушек, доставлять их во дворец и затем сообщать их семьям о случившемся. Он ненавидел свою обязанность, однако страх за собственную жизнь и жизни близких раз за разом заставлял его подчиняться.

У него было две дочери. Старшая, Шахерезада, обладала редким умом, прекрасной памятью и необыкновенной любознательностью. Младшая, Дуньязада, была жизнерадостной, ласковой и доверчивой девушкой, ещё не успевшей узнать, насколько жестоким порой бывает мир.

Шахерезада любила сестру и относилась к ней почти как мать. Она могла часами читать ей старинные сказания, пересказывать истории о далёких странах, рассказывать о мудрых правителях и глупых царях, о верных друзьях и коварных предателях. Дуньязада особенно любила сказки о волшебных лампах, спрятанных сокровищах и прекрасных принцессах, которых непременно спасал отважный герой.

— А почему, сестра, в сказках всегда побеждает добро? — однажды спросила она.

— Потому что иначе люди перестали бы их рассказывать, — ответила Шахерезада.

— Значит, в жизни добро не всегда побеждает?

Шахерезада улыбнулась, но не сразу нашлась с ответом.

Она и сама давно задавала себе этот вопрос.

В отличие от младшей сестры, Шахерезада уже не верила в то, что любой злодей непременно раскается, а всякая несправедливость будет наказана. Она слишком много читала, слишком внимательно наблюдала за людьми и слишком хорошо знала, что человеческая душа не всегда подчиняется простым законам сказки.

Ей было двадцать с небольшим лет. Она была хороша собой, но никогда не считала красоту главным своим достоинством. Её тёмные глаза отличались необыкновенной выразительностью, а в разговоре она умела смотреть прямо на собеседника, не унижая его и не позволяя унизить себя. Её движения были спокойными, голос мягким, но в характере скрывалась твёрдость, которую не сразу замечали даже близкие.

Она знала несколько языков, интересовалась медициной, философией, историей и поэзией. Её библиотека была предметом зависти многих учёных мужей, а память позволяла ей воспроизводить целые страницы прочитанных книг. Но главным её даром было умение рассказывать. Она чувствовала, когда слушатель теряет интерес, когда его внимание пробуждается и когда несколько правильно подобранных слов способны заставить человека забыть обо всём окружающем.

В ту ночь Шахерезада сидела в саду под старым гранато-

вым деревом. Рядом журчал небольшой фонтан, а на каменной скамье лежала раскрытая книга. Она перечитывала старинную легенду о царе, который потерял своё царство из-за собственной гордыни.

Вдруг из дома донёсся голос отца. Он разговаривал с кем-то, причём делал это необычно громко. Через минуту дверь открылась, и визирь вышел на террасу.

Шахерезада сразу заметила его лицо.

— Отец, что случилось?

— Ничего, дочь моя.

— Ты плохо умеешь скрывать тревогу. Особенно от меня.

Он попытался улыбнуться, но она уже закрыла книгу и поднялась со скамьи.

— Опять приказ халифа?

Визирь не ответил.

— Завтра должна появиться новая девушка?

— Да.

— А потом?

Он отвернулся.

— Не спрашивай меня об этом.

Шахерезада некоторое время молчала. Затем подошла к отцу и осторожно взяла его за руку.

— Сколько ещё это будет продолжаться?

— Не знаю.

— Ты визирь. Ты находишься рядом с ним каждый день. Неужели никто не может остановить его?

— Ты думаешь, я не пытался? — устало произнёс Абд аль-Хасан. — Я говорил с ним о справедливости, напоминал о законах, приводил примеры из жизни прежних правителей. Но он больше никого не слушает. Даже собственные решения иногда кажутся ему недостаточно жестокими.

— А если кто-нибудь сумеет заставить его слушать?

Визирь посмотрел на дочь.

— Не начинай, Шахерезада.

— Я ещё ничего не сказала.

— Я знаю тебя. По твоим глазам вижу, что ты уже что-то задумала.

Она не ответила.

В эту минуту из соседнего покоя выбежала Дуньязада. Девушка держала в руках маленькую шкатулку с украшениями.

— Сестра, посмотри, что я нашла! Мать оставила мне эти серьги. Правда, красивые?

Шахерезада улыбнулась.

— Очень красивые. Они тебе идут.

— А ты почему такая серьёзная? Опять читаешь свои страшные истории?

— Не все истории страшные.

— Тогда расскажи мне сегодня что-нибудь весёлое. Про любовь, например. Или про принца, который искал красавицу в далёкой стране.

— Хорошо, — ответила Шахерезада. — Сегодня я расскажу тебе историю о человеке, который был уверен, что знает

всё о любви, но на самом деле не знал о ней ничего.

Дуньязада рассмеялась.

— Наверное, это был очень глупый человек!

— Возможно, — задумчиво произнесла старшая сестра. — Но иногда самые большие глупцы занимают самые высокие троны.

Визирь вздрогнул и внимательно посмотрел на дочь.

Позднее, когда Дуньязада ушла спать, Шахерезада вновь пришла к отцу. На этот раз в её руках не было ни книги, ни рукописи.

— Отец, я приняла решение.

Абд аль-Хасан медленно поднял глаза.

— Какое?

— Я хочу стать женой халифа.

Он несколько мгновений смотрел на неё, словно не понял услышанного. Затем резко поднялся.

— Нет!

— Выслушай меня.

— Даже не думай об этом! Ты знаешь, что происходит с женщинами, которые входят в его покои? Ты знаешь, что ни одна из них не возвращается домой?

— Знаю.

— Тогда зачем ты говоришь мне такое?!

— Потому что я не могу больше смотреть, как гибнут невинные девушки, а мы продолжаем делать вид, будто ничего не происходит.

— Ты хочешь пожертвовать собой?!

— Я хочу попытаться изменить его.

— Ты не сможешь! — почти выкрикнул визирь. — Он не слушает ни учёных, ни советников, ни людей, которые служат ему десятилетиями! Что ты можешь сделать?

Шахерезада подошла к столу и положила на него небольшую рукопись.

— Я хочу воспользоваться тем, что он ещё не утратил окончательно.

— И что же это?

— Любопытство.

Визирь недоверчиво посмотрел на неё.

— Ты собираешься читать ему свои сказки?

— Не только сказки. Истории о людях, царях, купцах, путешественниках, влюблённых и предателях. О тех, кто совершал ошибки и расплачивался за них. О тех, кто терял всё, но находил в себе силы начать сначала. О тех, кто обладал несметными богатствами и при этом был беднее последнего нищего.

— И ты думаешь, он станет тебя слушать?

— Не знаю. Но если хотя бы одна история заставит его задуматься, значит, у меня появится ещё одна ночь.

— А если он не захочет слушать?

Шахерезада опустила глаза. Впервые за весь разговор её лицо утратило спокойствие.

— Тогда я проиграю.

Абд аль-Хасан подошёл к дочери и крепко обнял её.

— Я не могу потерять тебя, — прошептал он. — Ты понимаешь это?

— Понимаю, отец.

— Ты моя дочь. Моё единственное утешение в эти страшные дни.

— У тебя две дочери, — мягко напомнила она.

— И я не переживу, если потеряю хотя бы одну.

Шахерезада прижалась к его плечу. Ей тоже было страшно. Она не питала иллюзий относительно человека, к которому собиралась войти в дом. Она знала, что перед ней не просто разгневанный мужчина, которого можно успокоить ласковым словом. Это был властитель, привыкший считать собственную волю законом для миллионов людей.

Но отступить теперь она уже не могла.

За окном начинал бледнеть восточный край неба. Ночная прохлада постепенно уступала место предрассветному теплу. Где-то за стенами дома проснулся первый петух, а на минарете раздался протяжный голос муэдзина.

Шахерезада вернулась в свою комнату. Она долго стояла у окна, глядя на город, который ещё спал и ничего не знал о её решении.

На столе лежали рукописи. Их было много. Одни она собирала годами, другие записывала сама, третьи слышала от путешественников и купцов, посещавших дом её отца. В каждой хранилась чья-то судьба, чья-то любовь, чья-то

ошибка или мечта. Она перебрала несколько листов, остановилась на одном и задумалась.

Нет, первая история не должна быть слишком печальной. И не должна начинаться с поучений. Ей требовалось нечто такое, что пробудит в халифе интерес, заставит его забыть о времени и, быть может, впервые за долгие годы пожелать услышать продолжение.

Шахерезада осторожно свернула рукопись и положила её рядом с лампой.

Она ещё не знала, что первая ночь станет лишь началом удивительного пути, на котором ей придётся встретиться с коварными визирями, могущественными купцами, прекрасными женщинами, отважными мореплавателями, джиннами, разбойниками и людьми, чьи поступки окажутся страшнее любых чудовищ.

Она не знала, что в её историях оживут целые миры, а судьбы вымышленных героев однажды станут важнее для халифа, чем судьбы реальных людей.

Но одно она знала совершенно точно: когда наступит вечер, она должна будет рассказать первую историю. И сделать так, чтобы Шахрияр захотел услышать вторую, а потом третью и ещё одну.

Так началась история Шахерезады — женщины, которая вошла во дворец не с мечом и не с войском, а с единственным богатством, которое никто не мог у неё отнять, - с неисчерпаемым богатством человеческого воображения.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЗОЛОТО БАГДАДА И ТАЙНЫ ШАХЕРЕЗАДЫ
ГЛАВА ПЕРВАЯ
ПЕРВАЯ НОЧЬ

Вечер опустился на Багдад незаметно, словно кто-то осторожно набросил на город тёмный шёлковый плащ. Сначала погасли последние золотистые отблески на крышах дворцов, потом потемнели стены домов, и лишь минареты ещё некоторое время сохраняли на себе розоватый свет уходящего солнца. В лавках зажглись масляные светильники, на перекрёстках появились продавцы горячих лепёшек, а из садов донеслись первые звуки струнных инструментов.

Но в халифском дворце вечер не обещал ни музыки, ни веселья.

Стражники стояли у входов неподвижно, слуги говорили шёпотом, а придворные старались не встречаться взглядом с правителем. Даже самые искусные музыканты давно поняли, что их мелодии здесь никому не нужны. Шахрияр не желал слышать песен о любви, не терпел шуток и почти никогда не улыбался. В его присутствии люди вспоминали о собственных словах лишь после того, как произносили их, и нередко жалели о сказанном.

В покоях халифа горели десятки лампад. На низком столике стояли серебряные блюда с финиками, гранатами, виноградом и сладостями, приготовленными лучшими поварами дворца. Шахрияр сидел возле открытого окна, за кото-

рым шумел ночной город. Он смотрел на огни Багдада с таким выражением, словно видел не тысячи человеческих жизней, а лишь бесконечное множество чужих забот.

Перед ним стоял визирь Абд аль-Хасан. За долгие годы службы он научился различать оттенки настроения повелителя лучше, чем цвета драгоценных камней. Сегодня лицо халифа было спокойным, но это спокойствие не сулило ничего хорошего.

— Она пришла? — спросил Шахрияр, не поворачивая головы.

— Да, повелитель.

— И знает, что её ждёт?

— Знает.

Халиф медленно повернулся.

— Тогда почему она согласилась?

Визирь опустил глаза.

— Этого я не могу знать, повелитель.

— Ты не можешь знать даже того, что происходит в собственном доме, а хочешь управлять делами моего государства?

Абд аль-Хасан побледнел, но промолчал.

— Пусть войдёт, — произнёс Шахрияр.

Вскоре тяжёлые двери распахнулись, и в зал вошла Шахерезада.

На ней было платье из тёмно-синего шёлка, расшитое тонкой золотой нитью. На запястьях поблёскивали браслеты, а в

чёрных волосах сверкала небольшая заколка с жемчужиной. Но ни драгоценности, ни красота не привлекали в ней столько внимания, сколько спокойствие её лица.

Она не пыталась казаться бесстрашной. Не улыбалась и не опускала глаза. Просто остановилась перед троном и склонила голову в почтительном поклоне.

— Ты знаешь, зачем пришла сюда? — спросил халиф.

— Знаю, повелитель.

— И всё же не передумала?

— Нет.

Шахрияр некоторое время разглядывал её.

— Твой отец просил меня отказаться от этого брака. Он говорил, что любит тебя больше собственной жизни.

— Отец любит меня, — ответила Шахерезада. — Поэтому ему трудно понять мой выбор.

— А ты понимаешь, что выбираешь?

— Думаю, да.

— Ты думаешь? — В голосе халифа прозвучало раздражение. — Здесь не место для размышлений. Здесь достаточно одного моего слова, чтобы оборвалась человеческая жизнь.

— Именно поэтому, повелитель, каждое ваше слово должно быть произнесено не торопясь.

Визирь едва заметно вздрогнул. Он знал, что подобные ответы могли стоить человеку головы. Но Шахрияр не разгневался. Напротив, в его глазах появилось любопытство.

— Ты пришла учить меня править?

— Нет, повелитель. Я пришла жить в вашем доме.

— И надеешься, что я позволю тебе жить?

— Я надеюсь, что вы захотите узнать меня прежде, чем решите мою судьбу.

Халиф отвернулся к окну. Несколько мгновений он молчал, затем махнул рукой визирю.

— Оставь нас.

Абд аль-Хасан поклонился и вышел. Двери закрылись.

Шахрияр поднялся с места и подошёл к столу. Взял гранат, повертел его в руке и положил обратно.

— Все женщины, которых приводили ко мне, обещали быть верными, — сказал он. — Некоторые плакали, другие клялись, третьи молились. Но ни одна не смогла изменить того, что я узнал о людях.

— Возможно, они пытались убедить вас словами, — ответила Шахерезада.

— А ты чем собираешься убедить меня?

— Ничем.

Он обернулся.

— Тогда зачем ты здесь?

— Чтобы рассказать вам одну историю.

Шахрияр посмотрел на неё с недоверием.

— Историю?

— Да, повелитель.

— Я не ребёнок, чтобы меня усыпляли сказками.

— Я тоже не считаю вас ребёнком. И не собираюсь усып-

лять вас. Напротив, мне хотелось бы, чтобы вы хотя бы на одну ночь забыли о том, что вам известно, и узнали то, чего вы ещё не знаете.

Халиф усмехнулся.

— Ты слишком высокого мнения о своих рассказах.

— Возможно. Но ведь вы ещё ни одного не слышали.

Впервые за долгое время Шахрияр улыбнулся. Улыбка была короткой, почти незаметной, однако Шахерезада увидела её и поняла, что первая дверь приоткрылась.

— Хорошо, — сказал он. — Рассказывай. Но учти: я не люблю пустых слов.

— Я тоже, повелитель.

Шахерезада села на приготовленное для неё место. По её просьбе в покои впустили младшую сестру Дуньязаду. Девушка была бледна от волнения, но, увидев сестру живой и спокойной, немного приободрилась. Она устроилась неподалёку, на мягкой подушке, и стала слушать.

За окном Багдад постепенно погружался в глубокую ночь. Где-то вдалеке перекликались сторожа, на реке плескалась вода, а во дворцовом саду шелестели листья апельсиновых деревьев.

Шахерезада начала:

— Жил когда-то в Басре купец по имени Хасан. Он торговал пряностями, благовониями и редкими тканями, которые привозили из дальних стран. У него был большой дом, несколько кораблей, десятки слуг и такая страсть к богат-

ству, что даже собственное благополучие не приносило ему радости. Каждый раз, когда он считал свои сокровища, ему казалось, что их недостаточно.

Хасан был не злым человеком. Он охотно помогал бедным, не обижал слуг и никогда не обманывал покупателей намеренно. Но существовала одна слабость, которая портила ему жизнь: он не умел радоваться тому, что уже имел.

Если сосед покупал нового коня, Хасан немедленно начинал искать коня ещё дороже. Если другой купец приобретал дом с мраморным фонтаном, Хасан заказывал фонтан из белого камня, привезённого из далёких гор. А если кто-нибудь рассказывал о необыкновенном сокровище, купец терял покой до тех пор, пока не находил способ заполучить нечто подобное.

Однажды, возвращаясь с рынка, он увидел у старой городской стены незнакомца. Тот сидел на небольшом ковре, разложив перед собой несколько странных вещей: бронзовую чашу, серебряный перстень, потемневшую монету и маленький сосуд из синего стекла.

Незнакомец был одет скромно, но держался с достоинством человека, которому не нужно доказывать собственную значимость.

— Подойди, купец, — произнёс он, заметив Хасана. — Возможно, среди моих вещей найдётся то, чего ты ещё не покупал.

— Я много чего видел, — ответил Хасан. — Покажи, чем

собираешься удивить меня.

Торговец указал на синий сосуд.

Он был невелик, помещался в ладони и имел узкое горлышко, затянутое серебряной нитью. Стекло казалось прозрачным, но внутри него переливался глубокий голубой свет, словно в сосуде находилось маленькое ночное небо.

— Что это? — спросил Хасан.

— Вещь редкая.

— Я вижу. Но для чего она?

— Это сосуд одного лишнего дня.

Купец рассмеялся.

— Что за глупость? День нельзя купить. Он приходит и уходит для всех одинаково.

— Не совсем одинаково, — спокойно ответил незнакомец. — Одни проживают его так, будто им принадлежит целый век. Другие умудряются потерять целую жизнь за несколько часов.

— И ты утверждаешь, что в этом сосуде находится день?

— Я утверждаю, что однажды он может принадлежать тебе.

Хасан взял сосуд в руки. Стекло было прохладным, но внутри словно двигалось что-то живое.

— Сколько ты просишь?

— Столько, сколько ты сам сочтёшь нужным отдать.

Купец нахмурился. Подобные ответы ему не нравились. Он привык торговаться, спорить, сбивать цену и уходить с

рынка, уверенный, что обманул продавца в свою пользу.

— Ты хочешь золота?

— Нет.

— Серебра?

— Нет.

— Тогда чего же?

Незнакомец посмотрел ему прямо в глаза.

— Одного воспоминания.

— Какого?

— Самого дорогого из тех, которые ты носишь в себе.

Хасан пожал плечами.

— У меня много воспоминаний.

— Я не сомневаюсь.

— И ни одно из них не стоит этого стеклянного пузырька.

— Тогда проходи, купец. Возможно, однажды ты поймёшь, что ошибался.

Хасан уже сделал несколько шагов, но остановился. Его самолюбие не позволяло уйти, не выяснив, что именно скрывалось за странными словами незнакомца.

— Допустим, я соглашусь. Что произойдёт?

— Ты получишь возможность прожить один день ещё раз.

— Вчерашний?

— Не обязательно.

— А какой же?

— Тот, который ты выберешь.

Хасан долго смотрел на сосуд. В его голове уже возни-

кали картины несметных возможностей. Можно было вернуть день, когда умер его отец, чтобы успеть поговорить с ним ещё раз. Можно было снова увидеть первый корабль, отправленный им в дальнее плавание. Можно было исправить неудачную сделку, избежать потери товара или вовремя узнать о предательстве партнёра.

Но больше всего его занимала мысль о богатстве. Если этот сосуд действительно позволял повторить один день, можно было вернуться к любому удачному торговому решению, снова приобрести товар по низкой цене, а затем продать его дороже. Один день мог принести ему больше золота, чем десять лет обычной торговли.

— Я согласен, — наконец произнёс Хасан.

Незнакомец протянул руку.

— Тогда назови своё воспоминание.

Купец задумался. В памяти всплыл давний летний вечер, когда он ещё был мальчиком. Он сидел на крыше родительского дома, а рядом отец показывал ему созвездия и рассказывал, как по звёздам находят дорогу моряки. Тогда Хасан не думал о деньгах. Ему казалось, что весь мир огромен и прекрасен, а впереди столько удивительных открытий, что невозможно успеть увидеть их все.

— Я отдам тебе воспоминание о своём детстве, — сказал он. — О вечере, когда отец показывал мне звёзды.

Незнакомец кивнул.

— Хорошо. Но помни: воспоминание уйдёт навсегда. Ты

больше не сможешь вернуть его даже с помощью этого сосуда.

— Я понял.

Торговец развязал серебряную нить и коснулся горлышка сосуда пальцем. В тот же миг голубой свет внутри стекла вспыхнул ярче, а Хасан почувствовал лёгкое головокружение.

Перед глазами на мгновение возникла крыша родительского дома. Он увидел молодого отца, услышал его голос, почувствовал тёплый ветер и запах жасмина. Но видение исчезло так быстро, что купец даже не успел понять, что именно потерял.

— Теперь сосуд твой, — сказал незнакомец.

Хасан спрятал покупку под плащ и поспешил домой. Он был уверен, что совершил самую выгодную сделку в своей жизни.

Однако у ворот его остановил мальчик лет двенадцати. Это был сын его старого слуги, который несколько дней назад заболел и лежал в доме.

— Господин Хасан, — обратился мальчик, — отец просил передать, что хотел бы увидеть вас.

— Сейчас я занят. Пусть подождёт до завтра.

— Но он очень слаб, господин.

— Я сказал — завтра!

Мальчик опустил голову и отошёл в сторону.

Хасан вошёл в дом, поднялся в свои покои и запер дверь.

Он поставил сосуд на стол, долго любовался голубым сиянием, а затем лёг спать, размышляя о том, какой день выберет для повторения.

Утром он проснулся с необыкновенной лёгкостью. Ему казалось, что теперь сама судьба находится у него в руках. Он позавтракал, распорядился подготовить корабль к отплытию и отправился на рынок.

Но стоило ему выйти за ворота, как навстречу выбежал тот самый мальчик.

— Господин Хасан! — крикнул он. — Отец умер этой ночью.

Купец остановился.

— Когда?

— Незадолго до рассвета.

Хасан ничего не ответил. Он вспомнил вчерашнюю просьбу старого слуги и вдруг почувствовал неприятное беспокойство. Но вскоре отогнал эту мысль. Человек умер — такое случалось каждый день. Разве можно было остановить смерть?

Вечером купец вернулся домой, достал сосуд и поставил его перед собой.

— Я знаю, какой день хочу прожить ещё раз, — произнёс он.

Голубой свет внутри стекла дрогнул.

Хасан назвал день, когда его отец впервые привёл его на рынок и подарил ему маленький серебряный перстень. Он

хотел снова почувствовать ту радость, снова услышать отцовский смех, снова увидеть, как тот кладёт ему руку на плечо.

Но ничего не произошло.

Сосуд остался холодным и неподвижным.

Купец повторил своё желание. Потом ещё раз. Он даже потряс стеклянный пузырёк, но голубой свет лишь на мгновение вспыхнул и снова потускнел.

— Ты обманул меня! — закричал Хасан.

Он выбежал из дома и помчался к старой городской стене. Однако на месте, где сидел незнакомец, не оказалось никого. Лишь пыльный ковёр лежал возле стены, а на нём теперь находилась маленькая деревянная табличка.

Хасан поднял её и прочёл надпись:

«День, который ты покупаешь, нельзя прожить вместо другого. Его можно прожить только самому».

Купец долго стоял неподвижно, пытаясь понять смысл этих слов. Потом вернулся домой и всю ночь просидел перед сосудом.

А на следующее утро произошло нечто странное.

Когда Хасан вошёл в свою кладовую, он увидел, что дверь распахнута настежь. На полу валялись мешки с пряностями, сундуки были открыты, а в дальнем углу стоял человек, которого купец никогда прежде не видел.

Незнакомец был одет в богатый зелёный кафтан. На его пальцах сверкали перстни, а на поясе висел короткий кин-

жал с рукоятью из слоновой кости.

— Кто ты такой? — спросил Хасан.

— Человек, который пришёл вернуть тебе то, что ты потерял.

— Что именно?

Незнакомец улыбнулся.

— Твоё воспоминание.

Хасан почувствовал, как сердце забилось быстрее.

— Ты знаешь о сосуде?

— Я знаю о нём больше, чем тот торговец, который продал его тебе.

— Тогда скажи, как им пользоваться!

— Сначала ответь на один вопрос, купец. Ты действительно хочешь вернуть тот вечер, когда отец показывал тебе звёзды?

— Конечно!

— Даже если для этого придётся отдать всё, что ты нажил за свою жизнь?

Хасан замолчал.

Незнакомец медленно вынул из-за пояса маленький ключ и положил его на край сундука.

— Тогда приходи сегодня ночью к старому мосту у восточных ворот. Там ты узнаешь, кому на самом деле принадлежит этот сосуд.

— А если я не приду?

— Тогда завтра ты потеряешь нечто гораздо более ценное,

чем воспоминание.

С этими словами незнакомец прошёл мимо купца и исчез за дверью.

Хасан бросился следом, но во дворе никого не оказалось. Только на каменных плитах, ведущих к воротам, остались влажные следы, хотя дождя в Басре не было уже несколько недель.

Купец вернулся в кладовую. На сундуке лежал ключ. Он поднял его и заметил на металлической головке крошечный знак: полумесяц, заключённый в круг.

Такой же знак был выгравирован на дне синего сосуда.

Шахерезада умолкла.

Шахрияр, до этого слушавший её с видом человека, который не желает показывать своего интереса, слегка подался вперёд.

— И что же было дальше? — спросил он.

Шахерезада посмотрела на лампу. Масло почти догорело, а за окнами уже начинало светлеть небо.

— Это, повелитель, я расскажу вам следующей ночью.

— Почему не сейчас?

— Потому что ночь закончилась.

Шахрияр взглянул на окно. Первые лучи рассвета уже касались крыш дворца.

Он долго молчал, затем обратился к стражнику, стоявшему у двери:

— Пусть никто не тревожит Шахерезаду сегодня. Она

останется в своих покоях.

Стражник поклонился.

Шахерезада поднялась. Её лицо оставалось спокойным, хотя сердце билось так сильно, что она чувствовала его удары в висках. Дуньязада поспешила к сестре, но та лишь слегка коснулась её руки, словно говоря: ещё не время радоваться.

Когда они вышли из покоев халифа, Шахрияр снова посмотрел на погасшие лампады. Он не заметил, как наступило утро. А это было для него непривычно.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ТАЙНА СИНЕГО СОСУДА

Весь следующий день Шахрияр старался заниматься государственными делами, как прежде. Он выслушивал доклады военачальников, принимал послов, разбирал жалобы просителей и подписывал распоряжения. Но мысли его то и дело возвращались к купцу из рассказа Шахерезады. Особенно раздражало халифа то, что он не мог предугадать дальнейшие события. Кто был таинственный незнакомец? Что скрывал синий сосуд? И почему воспоминание о собственном детстве оказалось для богатого купца дороже всех его сокровищ?

Несколько раз Шахрияр ловил себя на том, что мысленно спорит с героем рассказа. Он бы на месте Хасана не стал отдавать незнакомцу самое дорогое воспоминание. Или, возможно, поступил бы точно так же? Эта мысль была непри-

ятна, и халиф отгонял её, возвращаясь к государственным бумагам.

К вечеру он велел приготовить покои и распорядился, чтобы Шахерезаду привели к нему сразу после ужина. Когда она вошла, халиф уже сидел возле окна. На столике перед ним стояли фрукты и кувшин с гранатовым соком.

— Ты заставила меня ждать, — произнёс он.

— Я не знала, что повелитель ждёт меня.

— Теперь знаешь.

Шахерезада склонила голову и села на прежнее место.

— Мы остановились на том, что купец получил загадочный ключ и приглашение прийти ночью к восточным воротам, — напомнил Шахрияр. — Но я хочу знать, что произошло с ним дальше.

— Тогда позвольте мне продолжить, повелитель.

— Продолжай. И постарайся не заставлять меня ждать слишком долго.

Шахерезада улыбнулась и вновь заговорила о Басре.

Хасан весь день не находил себе места. Он несколько раз доставал синий сосуд, рассматривал его со всех сторон, поворачивал к свету, заглядывал внутрь, словно надеялся обнаружить там объяснение происходящему. Но сосуд оставался прежним: маленький, прохладный, с голубым сиянием, которое то усиливалось, то почти исчезало.

Купец пытался заниматься торговыми делами, однако его внимание рассеивалось. Он дважды перепутал цены, забыл

отдать распоряжение капитану одного из кораблей и едва не подписал договор, который мог принести ему убытки. Слуги переглядывались, но никто не осмеливался спросить, что случилось с господином.

Ближе к вечеру Хасан приказал приготовить коня. Он собирался отправиться к восточным воротам, но прежде решил навестить старого друга, ювелира по имени Мансур. Тот много лет торговал драгоценностями и знал толк в редких вещах. Возможно, он сумеет объяснить, что за знак выгравирован на дне сосуда.

Мансур жил в небольшом доме неподалёку от главного рынка. Его мастерская всегда была наполнена запахом горячего металла, угольной пыли и благовоний. На полках стояли шкатулки с камнями, а у окна висели тонкие золотые цепочки, которые покачивались от каждого движения воздуха.

Увидев Хасана, ювелир приветливо поднялся.

— Вот уж кого не ожидал увидеть сегодня! Садись, старый друг. Ты выглядишь так, будто проиграл всё своё состояние.

— Пока нет, — ответил Хасан. — Но, кажется, я приобрёл нечто, что может оказаться дороже любого состояния.

Он вынул сосуд и положил его на стол.

Мансур сначала посмотрел на стекло, потом взял его в руки. Его приветливая улыбка исчезла.

— Где ты это достал?

— Купил у одного торговца возле старой стены.

— Как он выглядел?

— Высокий, седой, с лицом человека, который давно не спал. Ты знаешь его?

Мансур осторожно положил сосуд обратно.

— Нет. Но этот знак мне знаком.

Он достал из ящика увеличительное стекло, поднёс его к донышку и долго рассматривал выгравированный полумесяц.

— Я видел такой знак однажды, много лет назад, — наконец сказал он. — Его носили люди, которые служили одному странному человеку. Говорили, что тот собирал вещи, связанные с памятью, временем и человеческими желаниями.

— Кто он?

— Не знаю. Одни называли его мудрецом, другие — колдуном, третьи утверждали, что он вовсе не человек.

Хасан усмехнулся, хотя смех вышел нервным.

— В нашем городе каждый второй незнакомец оказывается либо колдуном, либо пророком. Я спрашиваю не о слухах, а о том, что умеет этот сосуд.

— А ты уверен, что хочешь знать?

— Я отдал за него воспоминание о своём отце. Разумеется, хочу!

Мансур посмотрел на друга с сочувствием.

— Тогда, боюсь, ты совершил сделку, условий которой не понял.

— Это я уже заметил. Но мне сказали, что я могу вернуть воспоминание.

— Кто сказал?

— Человек в зелёном кафтане. Он обещал встретиться со мной сегодня ночью у старого моста.

Ювелир резко поднял голову.

— Ты пойдёшь туда?

— Конечно.

— Тогда возьми с собой оружие и никому не называй своего имени.

— Почему?

Мансур помолчал, словно решая, стоит ли рассказывать то, что знал.

— Потому что однажды я видел, как человек с таким знаком забрал у другого не воспоминание, а само желание жить.

Хасан побледнел.

— Что это значит?

— Не знаю. Тот человек был богат, молод и здоров. Через несколько дней он стал похож на старика. Он перестал узнавать друзей, забыл дорогу к собственному дому и однажды ушёл из города. Больше его никто не видел.

— И ты думаешь, что со мной случится то же самое?

— Я думаю, что не всякая дверь, которую можно открыть, ведёт туда, куда ты хочешь попасть.

Хасан спрятал сосуд под плащ.

— Я не собираюсь отступать.

— Я и не прошу тебя отступать, — тихо ответил Мансур. — Только помни: иногда человек ищет потерянное не пото-

му, что оно ему необходимо, а потому, что не может смириться с тем, что однажды сам от него отказался.

Эти слова задели купца сильнее, чем он хотел показать. Он попрощался с другом и вышел на улицу.

Ночь уже вступила в свои права. Над Басрой поднялась большая луна, серебряным светом залившая крыши, купола и узкие переулки. У восточных ворот было тихо. Лишь изредка проезжали поздние повозки, гружённые товарами, да слышались голоса стражников.

Хасан оставил коня у небольшого караван-сарая и пешком направился к старому мосту. Вода под ним казалась почти чёрной. На противоположном берегу мерцали огни редких домов.

Человек в зелёном кафтане уже ждал его.

— Ты пришёл, купец, — произнёс незнакомец.

— Я пришёл за ответами.

— Люди редко бывают довольны ответами. Чаще они требуют новых вопросов.

— Хватит загадок. Ты обещал вернуть мне воспоминание.

— Я обещал показать тебе дорогу к нему. Но сначала ты должен узнать, что именно потерял.

Незнакомец протянул руку. Хасан неохотно отдал ему синий сосуд.

Тот снял с горлышка серебряную нить и поднёс сосуд к лунному свету. Голубое сияние внутри стекла стало ярким, а на поверхности появились едва заметные очертания. Снача-

ла Хасан увидел звёздное небо, затем крышу родительского дома и фигуру отца. Тот сидел рядом с маленьким мальчиком и показывал ему созвездия.

Купец шагнул вперёд.

— Это он! Я помню этот вечер!

— Ты помнишь изображение, — ответил незнакомец. — Но само воспоминание уже не принадлежит тебе.

— Тогда верни его!

— Ты слишком торопишься. Посмотри внимательнее.

Хасан всмотрелся в стекло. Отец улыбался, указывая на звезду, а мальчик слушал его, широко раскрыв глаза. Вдруг изображение изменилось. На крыше появилась ещё одна фигура — женщина в светлом платье. Она стояла у двери и смотрела на них с такой нежностью, что купец невольно задержал дыхание.

— Кто это? — спросил он.

— Твоя мать.

Хасан вздрогнул. Он почти не помнил её лица. Она умерла, когда он был совсем маленьким. Отец редко говорил о ней, а сам купец с годами перестал задаваться вопросами о её жизни.

— Почему я никогда не видел её в этом воспоминании?

— Потому что ты помнил только то, что хотел помнить.

Изображение снова изменилось. Теперь мать подошла к мальчику, поправила ему волосы и что-то сказала. Слова не были слышны, но Хасан увидел, как отец рассмеялся, а затем

поднял сына на руки.

Купец почувствовал, как к горлу подступил комок.

— Я хочу вернуть всё, — прошептал он. — И этот вечер, и её голос, и лицо. Всё!

— Для этого ты должен заплатить.

— Я уже заплатил!

— Ты отдал одно воспоминание. Но теперь просишь вернуть то, чего сам не сохранил. Разве можно отдать то, чего у тебя нет?

Хасан растерянно посмотрел на него.

— Тогда зачем ты привёл меня сюда?

Незнакомец указал на противоположный берег.

— Там находится дом, в котором хранятся забытые воспоминания. Если ты доберёшься до него до рассвета, возможно, найдёшь то, что ищешь.

— А если не доберусь?

— Тогда сосуд перестанет светиться.

— И что произойдёт?

— Ты забудешь не только тот вечер. Ты забудешь, зачем вообще пришёл сюда.

Хасан крепче сжал кулаки.

— Я пойду.

— Тогда слушай внимательно. Когда перейдёшь мост, увидишь три дороги. Первая приведёт тебя к рынку, где продают всё, чего только может пожелать человек. Вторая — к саду, в котором никто никогда не стареет. Третья — к дому

без окон и дверей. Тебе нужно выбрать третью дорогу.

— Почему?

— Потому что первые две существуют для тех, кто ищет лёгкую награду. А ты ищешь то, что однажды потерял.

Незнакомец вернул ему сосуд и отступил в темноту.

— Подожди! — крикнул Хасан. — Кто ты такой? И почему помогаешь мне?

Но ответа не последовало.

Купец остался один на старом мосту. Вода тихо ударялась о каменные опоры, а над городом уже начинало бледнеть небо. Он посмотрел на сосуд. Голубой свет внутри становился всё слабее.

Хасан понял, что времени у него почти не осталось. Он перешёл мост и вскоре увидел три дороги. Первая уходила к шумному рынку, где даже среди ночи горели фонари. Вторая вела к саду, откуда доносился сладкий аромат цветов. Третья терялась между голыми каменными стенами.

Купец направился к ней.

Он ещё не знал, что за этими стенами его ждёт встреча с человеком, которого он давно считал мёртвым. И что цена возвращённого воспоминания окажется совсем не такой, какой он её себе представлял.

Шахерезада замолчала. Шахрияр сидел неподвижно, не отрывая взгляда от её лица.

— Человек, которого он считал мёртвым? — переспросил халиф. — Кто это?

— Этого я пока не могу открыть, повелитель.

— Ты снова остановилась на самом интересном месте.

— Разве это плохо?

Шахрияр хотел возразить, но в этот момент за окном послышался первый крик пробудившегося города. Он посмотрел на рассвет, затем снова на Шахерезаду.

— Завтра ты расскажешь мне, что произошло за каменными стенами.

— Если повелитель пожелает.

— Я уже сказал, что желаю.

Шахерезада склонила голову. Она знала: ещё одна ночь осталась позади. Но теперь в голосе халифа звучало не только любопытство. Ему действительно хотелось узнать продолжение.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ДОМ БЕЗ ОКОН

К рассвету Хасан добрался до конца узкого прохода. Каменные стены по обе стороны дороги становились всё выше, а свет луны постепенно уступал место сероватому утреннему сиянию. Впереди показалось небольшое строение из тёмного камня. Оно не имело ни окон, ни заметной двери. Казалось, дом был вырублен прямо в скале и существовал здесь задолго до появления самого города.

Купец остановился. Он достал из-под плаща синий сосуд. Голубой свет внутри почти угас, и лишь на самом дне мерцала крошечная искра.

Хасан подошёл ближе и провёл ладонью по холодной поверхности стены. Камень был гладким, словно его отполировали тысячи прикосновений. Он обошёл строение кругом, но не нашёл ни щели, ни отверстия.

— Как же мне войти? — пробормотал он.

— Так же, как входят во всякое место, куда человек не может попасть силой.

Голос прозвучал совсем рядом.

Хасан резко обернулся. На каменном выступе сидел старик в длинном сером одеянии. Его седые волосы были собраны под простой тканевой повязкой, а лицо покрывали глубокие морщины. Несмотря на преклонный возраст, глаза его оставались ясными и внимательными.

— Кто ты? — спросил купец.

— Тот, кто давно ждёт тебя.

— Ты знаешь, зачем я пришёл?

— Разумеется. Ты ищешь воспоминание о своём отце и матери. Но боюсь, что, найдя его, можешь пожалеть о своём желании.

— Все сегодня говорят мне загадками. Я устал от этого.

Старик негромко рассмеялся.

— А ты привык, чтобы весь мир говорил с тобой языком торговых книг? Купил, продал, получил прибыль, подсчитал убыток. Но не всякая вещь имеет цену, которую можно записать на пергаменте.

— Я пришёл не слушать наставления.

— Тогда не слушай. Смотри.

Старик поднялся и подошёл к стене. Он коснулся камня ладонью, и в тот же миг на его поверхности появилась тонкая золотистая линия. Она медленно поползла вверх, затем в сторону, очерчивая контуры двери. Камень бесшумно раздвинулся, открывая узкий проход.

За ним находился коридор, освещённый мягким голубым светом. Хасан невольно отступил.

— Входи, — сказал старик.

— А ты?

— Я пойду следом. Здесь не принято оставлять гостей одних.

Купец переступил порог.

Внутри оказалось гораздо просторнее, чем можно было предположить по внешнему виду здания. Перед ним открылся круглый зал с высоким сводом. По стенам тянулись полки, на которых стояли тысячи небольших сосудов, шкатулок и хрустальных шаров. В одних мерцали золотистые огоньки, в других клубился туман, а третьи были совершенно прозрачными.

Хасан остановился посреди зала.

— Что это за место?

— Хранилище воспоминаний.

— И все эти сосуды принадлежат людям?

— Не совсем. Некоторые принадлежат тем, кто уже покинул этот мир. Другие — тем, кто живёт, но забыл о них. Есть

воспоминания, которые люди прячут от самих себя, и есть такие, которые они готовы отдать за одно-единственное желание.

Старик провёл рукой вдоль ближайшей полки.

— Здесь хранится первый поцелуй девушки, которая впоследствии стала царицей. Там — последний разговор двух братьев, поссорившихся из-за наследства. А вон в том сосуде — воспоминание о мальчике, который однажды спас жизнь своему врагу.

— И кто распоряжается всем этим?

— Никто не распоряжается человеческой памятью. Мы лишь храним то, от чего люди добровольно отказались.

— Кто такие «мы»?

Старик не ответил.

Хасан подошёл к одной из полок и увидел небольшой стеклянный шар, внутри которого переливалось зелёное сияние. Приблизившись, он различил фигуру женщины, сидевшей у окна. Она вышивала платок и тихо напевала какую-то песню.

— Это тоже воспоминание? — спросил он.

— Да.

— Чьё?

— Человека, который отдал его, чтобы забыть женщину, которую любил.

— И теперь он счастлив?

Старик посмотрел на него.

— А ты считаешь, что человек становится счастливым только потому, что перестаёт помнить о своей боли?

Хасан промолчал.

— Пойдём, — сказал старик. — Твоё воспоминание находится в другом зале.

Они прошли по длинному коридору. Здесь было прохладно, а голубоватый свет исходил словно от самих стен. Иногда за каменными перегородками слышались приглушённые голоса, детский смех или отдалённая музыка.

Наконец старик остановился перед круглой дверью.

— Здесь тебе придётся сделать выбор.

— Какой ещё выбор?

— Ты увидишь три воспоминания. Первое принадлежит тебе. Второе — твоему отцу. Третье — человеку, которого ты никогда не знал. Ты сможешь забрать только одно.

— Но я ищу своё!

— Ты уверен, что знаешь, какое именно воспоминание тебе нужно?

Старик коснулся двери. Она открылась.

В центре комнаты стоял невысокий стол, на котором лежали три предмета: детская деревянная лошадка, серебряный перстень и маленькая шкатулка из тёмного дерева.

Хасан сразу узнал перстень. Именно такой отец подарил ему в детстве, когда впервые привёл на рынок. Купец потянулся к нему, но старик остановил его руку.

— Не спеши.

— Это мой перстень!

— Да. Но воспоминание, которое он хранит, может оказаться не тем, что ты ожидаешь.

— Я хочу увидеть его.

Старик кивнул.

Хасан взял перстень. Перед его глазами возник знакомый рынок, шумный и солнечный. Маленький мальчик стоял рядом с высоким мужчиной в белом одеянии. Отец улыбался, а затем положил ему на ладонь серебряное кольцо.

— Теперь ты настоящий мужчина, сынок, — услышал Хасан знакомый голос.

Мальчик засмеялся и обнял отца.

Купец закрыл глаза. Он хотел остаться в этом мгновении, но изображение вдруг изменилось. Отец наклонился к нему и тихо добавил:

— Только помни, Хасан: золото можно потерять и найти снова. А человека, который любит тебя, нельзя заменить никаким богатством.

Воспоминание исчезло.

Хасан медленно опустил руку.

— Я слышал эти слова раньше, — прошептал он. — Но не помнил, когда именно отец их произнёс.

— Теперь помнишь, — ответил старик.

Купец посмотрел на остальные предметы.

— А что хранит деревянная лошадка?

— Воспоминание твоего отца.

— Моего отца?

— Да. Он отдал его много лет назад, когда понял, что скоро умрёт.

Хасан побледнел.

— Почему он это сделал?

— Чтобы однажды ты смог узнать то, чего не успел услышать при его жизни.

— Покажи мне!

Старик не двигался.

— Ты можешь взять это воспоминание, но тогда потеряешь то, что только что увидел. Слова отца, его лицо на рынке, радость маленького мальчика — всё исчезнет из твоей памяти.

— Но ведь это воспоминание принадлежит ему!

— Именно поэтому ты должен решить, что для тебя важнее: сохранить то, что уже вернул, или узнать то, что отец хотел оставить тебе.

Хасан посмотрел на деревянную лошадку. Она была простой, немного потёртой, с одним сломанным ушком. В детстве у него никогда не было такой игрушки. Отец был строгим человеком и редко баловал сына подарками.

— Что же он хотел мне сказать? — спросил купец.

— Этого я не могу решить за тебя.

Хасан протянул руку к лошадке, но остановился. Он впервые за долгое время почувствовал, что перед ним не торговая сделка, где можно рассчитать прибыль и убыток. Здесь

нельзя было предложить больше, чтобы получить желаемое. Нельзя было обмануть продавца или найти другого покупателя.

Он повернулся к старику.

— А третья шкатулка?

— Она принадлежит человеку, которого ты не знаешь. Но его судьба однажды пересеклась с судьбой твоей семьи.

— Кто он?

— Когда-то он спас жизнь твоему отцу. И, возможно, именно поэтому ты сейчас стоишь здесь.

Хасан посмотрел на старика с растущим беспокойством.

— Ты знаешь мою семью?

— Лучше, чем ты думаешь.

— Тогда назови своё имя!

Старик долго молчал. Потом провёл ладонью по лицу, словно устал скрывать то, что носил в себе много лет.

— Когда-то меня звали Али. Я был другом твоего отца.

Хасан отшатнулся.

— Али? Но отец говорил, что ты погиб в море!

— Он так думал.

— Где ты был все эти годы?

— Там, где хранятся вещи, которые люди не хотят вспоминать.

Купец смотрел на него, не в силах произнести ни слова. В памяти возникло смутное лицо молодого человека, которого отец однажды привёл в дом. Хасан тогда был совсем малень-

ким и почти ничего не запомнил.

— Ты знал мою мать? — наконец спросил он.

Старик опустил голову.

— Да, Хасан. И именно поэтому ты должен узнать, что произошло в ту ночь, когда она умерла.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ
ВОСПОМИНАНИЕ, КОТОРОЕ НЕЛЬЗЯ КУПИТЬ

Хасан долго не мог произнести ни слова. Он смотрел на старика Али, пытаясь соединить его нынешнее лицо с едва сохранившимся в памяти образом молодого человека, которого когда-то видел в родительском доме. Ему казалось невероятным, что человек, считавшийся погибшим, мог всё это время оставаться в живых и знать тайны его семьи.

— Ты был другом моего отца? — наконец спросил он.

— Самым близким.

— И знал мою мать?

— Да.

— Почему же я никогда не слышал о тебе?

Али вздохнул.

— Потому что твой отец не хотел, чтобы ты знал правду.

— Какую правду?

— Твоя мать умерла не от болезни, как тебе говорили.

Хасан почувствовал, будто пол под ногами внезапно качнулся.

— Что ты сказал?

— Она умерла, спасая тебя.

— Нет! — резко произнёс купец. — Отец никогда не скрывал от меня, что мать заболела. Я помню, как он рассказывал, что врачи не смогли помочь ей.

— Он не лгал тебе намеренно. Он просто не смог рассказать всё.

— Говори!

Али подошёл к столу и осторожно коснулся деревянной лошадки.

— Когда ты был совсем маленьким, в Басре случилась страшная беда. В городе началась эпидемия. Люди умирали целыми семьями, рынки опустели, а улицы, прежде наполненные шумом и смехом, стали похожи на кладбища. Твоя мать заболела одной из первых. Отец хотел отправить тебя к родственникам, но она не позволила. Она боялась, что в дороге ты останешься один и никто не сможет защитить тебя.

— И она умерла?

— Да. Но перед смертью она попросила меня пообещать, что однажды ты узнаешь, какой ценой она спасла тебя.

Хасан опустился на ближайшую скамью.

— Почему отец ничего не рассказал?

— Потому что не хотел, чтобы ты всю жизнь чувствовал себя обязанным мёртвой женщине. Он хотел, чтобы ты рос свободным человеком, а не жил с мыслью, что должен оправдать чью-то жертву.

Купец закрыл лицо руками. Ему вспомнились редкие разговоры об умершей матери, её имя, которое отец произно-

сил с особенной нежностью, и одна старая шкатулка, которую никто не разрешал открывать.

— Где сейчас эта шкатулка? — спросил он.

— В твоём доме. Твой отец хранил её до самой смерти.

Хасан поднял голову.

— Ты хочешь сказать, что всё это время она была у меня?

— Да.

— И ты знал?

— Я знал, что однажды ты придёшь сюда. Но не знал, когда именно.

— Почему ты не пришёл сам?

Али посмотрел на него с грустью.

— Потому что некоторые истины нельзя вручить человеку, как подарок. Он должен сам захотеть их узнать.

Хасан снова взглянул на деревянную лошадку.

— Значит, это воспоминание отца?

— Да. Он попросил сохранить его для тебя. Но не как награду и не как плату. Он хотел, чтобы ты однажды услышал его голос.

— Я могу увидеть?

— Можешь. Но сначала должен понять, что готов принять не только его слова, но и то, что они изменят в тебе.

Купец протянул руку.

— Я готов.

Али осторожно подвинул к нему лошадку.

Хасан взял игрушку. На мгновение ему показалось, что

он снова стал маленьким мальчиком. Вокруг исчезли стены, полки и голубоватый свет. Перед ним возник родительский дом. В комнате горела лампа, за окном шумел ветер, а отец сидел у постели, держа в руках деревянную лошадку.

— Хасан ещё мал, — услышал купец голос отца. — Он не поймёт, почему ты уходишь.

— Он поймёт, когда вырастет, — ответила женщина.

Хасан замер. Он узнал этот голос. Тихий, нежный, немного усталый. Голос матери.

— Я не хочу, чтобы он рос без тебя, — произнёс отец.

— Он не будет один. У него есть ты.

— А если я не смогу заменить ему тебя?

— Не пытайся заменить меня. Просто люби его за двоих.

Отец наклонился и поцеловал женщину в лоб.

— Ты должна выздороветь.

— Я знаю, что не выздоровею.

— Не говори так.

— Послушай меня, Али, — сказала мать, обращаясь к человеку, стоявшему у двери. — Если однажды мой сын станет богатым, не позволяй ему забыть, что богатство не делает человека лучше. Пусть он будет щедрым не потому, что может себе это позволить, а потому, что понимает чужую боль.

Мужчина у двери молча кивнул.

— И ещё, — продолжила она. — Не позволяй ему считать, что любовь можно купить. Пусть он однажды встретит женщину, которая полюбит его не за золото и не за положе-

ние. И пусть он сумеет это понять.

Изображение начало меркнуть. Хасан увидел, как отец берёт деревянную лошадку и кладёт её рядом с подушкой маленького мальчика. Затем он услышал последние слова матери:

— Скажи ему, что я всегда была рядом. Даже когда он не мог меня помнить.

Воспоминание исчезло.

Купец стоял неподвижно. По его щекам текли слёзы, которых он не пытался скрыть. Он впервые за многие годы почувствовал не горечь утраты, а странную близость к женщине, чьё лицо почти забыл.

— Я хочу сохранить это, — произнёс он.

— Тогда оно останется с тобой, — ответил Али. — Но помни: воспоминание не заменяет жизнь. Твоя мать не хотела, чтобы ты провёл остаток дней, оплакивая её. Она хотела, чтобы ты жил.

Хасан положил деревянную лошадку на стол.

— А что находится в третьей шкатулке?

Али долго смотрел на неё.

— Там хранится моя собственная история.

— Почему ты не рассказал её раньше?

— Потому что в ней есть имя человека, которого ты знаешь.

— Кого?

— Твоего отца.

Старик открыл шкатулку. Внутри лежал небольшой медальон с изображением корабля. Его серебряная поверхность потемнела от времени, но тонкая гравировка оставалась хорошо различимой.

Хасан узнал корабль. Он видел его изображение на старой семейной печати.

— Это судно моего отца?

— Да. Много лет назад он отправился на нём в дальнее плавание. Я был капитаном. Мы перевозили товар в Индию, но на обратном пути попали в страшный шторм. Корабль разбился о скалы. Большинство людей погибло. Твой отец и я сумели добраться до берега, однако нас подобрали пираты.

— Пираты?

— Да. Они продали нас в рабство. Твой отец провёл в плену почти два года. Я же сумел бежать раньше и вернулся в Басру. Но когда добрался до города, узнал, что твоя мать умерла, а отец исчез. Я искал его много лет, пока однажды не узнал, что он вернулся домой и стал богатым купцом.

Хасан слушал, не перебивая.

— Почему отец не рассказал мне об этом?

— Он хотел забыть плен. И, возможно, стыдился того, что не смог защитить свою семью. Но он не был слабым человеком. Он выжил, потому что думал о тебе и твоей матери.

— А ты?

— Я тоже хотел забыть. Но не смог. Поэтому и оказался здесь.

— Ты отдал своё воспоминание?

Али кивнул.

— Я отдал воспоминание о последней ночи на корабле. Мне казалось, что если забуду её, то смогу снова жить спокойно. Но память вернулась ко мне через много лет, когда я понял, что вместе с ужасом потерял и лица людей, которые погибли рядом со мной.

— И теперь ты хранишь чужие воспоминания?

— Я помогаю тем, кто приходит сюда. Иногда люди находят то, что ищут. Иногда понимают, что искали совсем другое.

Хасан посмотрел на старика.

— Значит, всё это время ты мог рассказать мне о матери?

— Мог. Но ты не пришёл бы слушать. Ты был слишком занят тем, чтобы стать богатым.

Купец опустил глаза. Он вспомнил собственную жизнь: бесконечные торги, соперничество, желание иметь больше, чем другие. Он вспомнил мальчика, который приходил к нему с просьбой навестить умирающего отца, и то, как он отмахнулся от него, сославшись на занятость.

— Я не успел проститься с тем стариком, — тихо сказал Хасан. — Он служил у меня много лет. Я мог прийти к нему, но не пришёл.

— Ты можешь вернуть ему последний день?

— Нет.

— Можешь вернуть его самого?

— Нет.

— Тогда что ты можешь сделать?

Хасан долго молчал.

— Я могу помочь его сыну. Дать ему образование, устроить на работу, позаботиться о его семье.

Али улыбнулся.

— Вот теперь ты начинаешь понимать, зачем тебе было нужно это путешествие.

Хасан посмотрел на синий сосуд. Голубой свет внутри снова стал ярче.

— А что будет с ним?

— Он больше не нужен тебе.

— Но я заплатил за него воспоминанием!

— Ты получил то, что должен был получить. Не возвращённый день, а возможность понять, что нельзя откладывать любовь на завтра.

Хасан осторожно поставил сосуд на стол.

— Забери его.

Али покачал головой.

— Нет. Ты сам решишь, что с ним делать. Но прежде чем уйти, посмотри на него ещё раз.

Купец взял сосуд. Голубое сияние вдруг разлилось по стеклу, и на его поверхности возникло лицо матери. Она улыбалась ему, словно видела не взрослого богатого человека, а того самого маленького мальчика, которого когда-то держала на руках.

Хасан не стал просить вернуть прошлое. Он просто смотрел, пока изображение не растворилось в свете.

Когда он поднял глаза, старика Али уже не было.

На столе остались три предмета: деревянная лошадка, серебряный перстень и медальон с изображением корабля. А рядом лежала небольшая записка, написанная знакомым почерком отца:

«Сын мой, если ты читаешь эти строки, значит, однажды ты нашёл дорогу к тому, что действительно важно. Не ищи счастья в том, чтобы вернуть каждый прожитый день. Ищи его в том, чтобы не потерять следующий».

Хасан сложил записку и спрятал её за пазуху.

Он вышел из дома без окон, когда солнце уже поднялось над Басрой. Город просыпался, торговцы открывали лавки, на улицах появлялись первые повозки. Всё вокруг было прежним, но сам купец смотрел на него другими глазами.

У ворот его ждал мальчик, сын умершего слуги. Увидев хозяина, он испуганно остановился.

— Господин Хасан, я думал, вы уехали.

Купец подошёл к нему и положил руку на плечо.

— Нет, мальчик. Я никуда не уехал. Скажи, как тебя зовут?

— Юсуф, господин.

— Юсуф, сегодня ты поедешь со мной. Мы поговорим о твоём будущем.

Мальчик недоверчиво поднял глаза.

— Но зачем я вам?

Хасан впервые за долгое время улыбнулся по-настоящему.

— Потому что я слишком долго не замечал людей, которые находились рядом со мной.

Он помог мальчику сесть на коня, а сам пошёл рядом, ведя поводья в руке.

В этот день купец впервые за много лет не думал о том, сколько золота принесёт ему следующий месяц. Он думал о матери, об отце, о старом слуге и о мальчике, которому ещё предстояло прожить свою жизнь.

И впервые понял, что богатство человека измеряется не тем, что он сумел собрать, а тем, что сумел отдать, не ожидая ничего взамен.

Шахерезада замолчала. В покоях стало тихо. Шахрияр смотрел на неё, задумчиво перебирая пальцами край своего одеяния.

— Значит, купец всё-таки нашёл то, что искал, — произнёс он.

— Он нашёл гораздо больше, чем искал, повелитель.

— И ты хочешь сказать, что человек способен измениться?

— Я хочу сказать, что человек не всегда знает, каким он может стать.

Шахрияр отвернулся к окну. Первые птицы уже перекликались в саду.

— Завтра расскажешь мне другую историю, — сказал он.

— Если повелитель пожелает.

— Пожелаю.

Шахерезада склонила голову, а Дуньязада, сидевшая неподалёку, осторожно взглянула на сестру. На этот раз в её глазах было не только волнение, но и надежда.

За окном занимался новый день. А в душе халифа, сам того не замечая, он уже оставил маленький след.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КУПЕЦ, КОТОРЫЙ КУПИЛ ВЕТЕР

На следующее утро Шахрияр проснулся раньше обычного. Ему приснился странный сон: он шёл по бесконечному рынку, где вместо товаров продавали воспоминания. В одной лавке старик предлагал детство, в другой молодая женщина торговала первым поцелуем, а в третьей сидел мальчик и просил купить у него один счастливый день. Халиф хотел остановиться, но не мог: каждый раз, когда он приближался к лавке, она исчезала, а на её месте появлялась другая.

Проснувшись, он долго смотрел на потолок. Сон был нелепым, но почему-то не отпускал его. Особенно запомнился мальчик, который предлагал счастливый день. Шахрияр подумал, что, возможно, и сам когда-то был таким мальчиком, но это воспоминание давно затерялось среди событий, которые он предпочитал не вспоминать.

Весь день он был непривычно молчалив. Даже визирь Абд аль-Хасан, привыкший к резким замечаниям повелителя, за-

метил перемену.

— Тебя что-то беспокоит? — спросил Шахрияр, заметив его взгляд.

— Я лишь надеюсь, повелитель, что вы хорошо отдохнули.

— Неужели я стал похож на человека, которому нужен отдых?

— Нет, повелитель. Но даже сильнейшему человеку иногда полезно забыть о делах.

— Забавно. Вчера одна женщина рассказывала мне о купце, который забыл самое дорогое, а сегодня мой визирь советует мне забыть о делах. Вы сговорились?

Абд аль-Хасан опустил голову.

— Я не осмелился бы на такое, повелитель.

Шахрияр усмехнулся и велел позвать Шахерезаду.

Она пришла ближе к вечеру. На этот раз в её руках не было рукописи. Она несла небольшую шкатулку из резного дерева, украшенную перламутром.

— Что это? — спросил халиф.

— Подарок, повелитель.

— Мне?

— Не совсем. Скорее, тому, кто любит истории.

Шахрияр приподнял бровь.

— И что же находится внутри?

— Пока ничего. Но, возможно, после моего рассказа там появится одна мысль.

— Ты умеешь говорить так, что даже пустая шкатулка кажется сокровищем. Начинай.

Шахерезада устроилась на подушках и заговорила.

В одном из приморских городов Востока жил купец по имени Джамиль. Он был человеком необыкновенно предприимчивым, но обладал одной странной особенностью: ему всегда хотелось иметь то, чего не было у других.

Если сосед покупал прекрасного скакуна, Джамиль искал жеребца быстрее и красивее. Если кто-нибудь приобретал дом с видом на море, он строил дворец на самом высоком холме. Если в городе появлялся новый заморский товар, купец старался первым привезти его в свои лавки.

Он не был скупцом. Напротив, Джамиль охотно тратил деньги, устраивал пиры и помогал людям, если это могло принести ему уважение. Но больше всего он любил рассказывать о своих приобретениях. Ему нравилось, когда окружающие восхищались его достатком и завидовали удаче.

Однажды в город прибыл старый моряк. Он пришёл с дальних островов и привёз несколько необычных товаров: раковины с золотистым отливом, редкие пряности, шёлковые ткани и небольшие сосуды с ароматными маслами.

Джамиль, узнав о прибытии корабля, немедленно отправился в порт.

— Что у тебя есть такого, чего нет у других? — спросил он моряка.

— Много чего, почтенный купец.

— Меня интересует не многое. Меня интересует необыкновенное.

Моряк улыбнулся.

— Тогда, возможно, тебе понравится мой последний товар.

Он достал из сундука небольшой кожаный мешочек и развязал шнурок. Внутри лежала прозрачная раковина, похожая на тонкий лепесток цветка.

— Что это? — спросил Джамиль.

— Раковина ветра.

— Не понимаю.

— Её нашли на острове, где никогда не бывает полной тишины. Даже в безветренную погоду там слышны голоса моря и деревьев. Говорят, если приложить эту раковину к уху, можно услышать ветер, который ещё не родился.

Джамиль рассмеялся.

— Ветер нельзя положить в раковину.

— Ты прав, купец. Но можно услышать то, чего другие не слышат.

— Сколько ты хочешь?

— Я не продаю её за деньги.

Джамиль нахмурился.

— Тогда зачем ты принёс её на рынок?

— Чтобы найти человека, которому она нужна.

— Мне нужна.

— А что ты готов отдать взамен?

Купец задумался. Он мог предложить золото, драгоценности, дом или даже корабль. Но моряк, похоже, не интересовался богатством.

— Назови свою цену.

— Один день твоей жизни.

Джамиль рассмеялся ещё громче.

— Ты шутишь!

— Нет.

— Как можно отдать день жизни?

— Очень просто. Ты должен прожить один день, не получив от него никакой выгоды. Не заработать ни монеты, не заключить ни одной сделки, не приобрести ничего нового и не рассказать никому о своём богатстве. Только тогда раковина станет твоей.

Купец посмотрел на моряка с недоверием.

— И всё?

— Для тебя этого будет достаточно.

Джамиль решил, что моряк либо безумен, либо слишком долго провёл в море. Однако раковина ему понравилась. Он представил, как будет показывать её друзьям, рассказывать о далёких островах и утверждать, что только ему одному удалось приобрести подобную редкость.

— Согласен, — сказал он. — Завтра я проживу такой день.

— Нет, — ответил моряк. — Начать нужно сейчас.

Джамиль хотел возразить, но вдруг понял, что отказаться

уже не так легко. Он посмотрел на торговые ряды, где его ждали покупатели, на корабли, разгружавшие товары, на посыльных, готовых принести новые предложения.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Пусть будет так.

Моряк положил раковину перед ним.

— Тогда запомни: этот день нельзя будет повторить. И никто не должен знать, что ты выполняешь условие сделки.

Джамиль взял раковину и спрятал её в карман.

Первым делом он направился к своим лавкам. Там его уже ждали два торговца, желавшие заключить выгодный договор на поставку шёлка. Купец едва не забыл о своём обещании, но вовремя остановился.

— Сегодня я не заключаю сделок, — объявил он.

Торговцы переглянулись.

— Но ведь мы договорились!

— Значит, договор подождёт.

Он вышел на улицу и увидел нищего старика, который сидел возле фонтана. Тот протянул руку, прося милостыню.

Обычно Джамиль давал ему несколько медных монет, чтобы не портить себе настроение. Но сегодня он вспомнил условие моряка: нельзя получить выгоду, нельзя приобретать и нельзя рассказывать о богатстве.

Он остановился рядом.

— Ты давно здесь сидишь?

— С рассвета, господин.

— И никто тебе не помог?

— Некоторые подали хлеба. Но мне нужно лекарство для внучки.

Джамиль хотел достать кошелёк, но вспомнил, что не должен ничего приобретать и не должен превращать этот день в очередную демонстрацию щедрости. Он присел рядом и попросил старика рассказать о внучке.

Тот заговорил. Девочка была сиротой, жила с дедом в маленькой комнате за городской стеной, часто болела и мечтала однажды увидеть море. Джамиль слушал, не перебивая. Впервые за много лет он не смотрел на человека как на просителя, покупателя или возможного партнёра.

Когда старик закончил, купец поднялся.

— Я не могу дать тебе денег сегодня, — сказал он. — Но могу проводить тебя к лекарю и поговорить с ним.

Старик удивлённо посмотрел на него.

— Вы сами пойдёте со мной?

— А почему нет?

Они отправились по узким улицам к дому врача. Джамиль не знал, что его ждёт впереди, и впервые за долгое время не пытался рассчитать, сколько времени потеряет на этом пути.

У лекаря он попросил осмотреть девочку и пообещал оплатить лечение завтра. Старик хотел поблагодарить его, но купец остановил:

— Не нужно. Просто расскажи внучке, что море не так далеко, как ей кажется.

Вернувшись домой, Джамиль обнаружил, что его слуга

приготовил роскошный обед. На столе стояли жареные перепела, сладкие финики, рис с миндалём и несколько блюд, привезённых из далёких стран.

— Господин, сегодня к вам должны прийти гости, — напомнил слуга.

— Отмени приём.

— Но приглашены самые влиятельные люди города!

— Значит, они проведут вечер без меня.

Слуга растерянно посмотрел на хозяина.

— Вы больны?

— Нет. Просто сегодня я хочу побыть один.

Однако одиночество не продлилось долго. Во дворе появился мальчик, сын одного из торговцев, с которым Джамиль когда-то заключил невыгодную для того сделку. Мальчик держал в руках небольшую деревянную игрушку.

— Господин, — сказал он, — отец просил передать вам это. Он нашёл игрушку в старом сундуке. Говорит, что она принадлежала вашему сыну.

Джамиль замер.

У него был сын, умерший в раннем детстве. С тех пор купец почти никогда не говорил о нём. Он похоронил мальчика, закрыл его комнату и постепенно убедил себя, что работа и богатство помогут ему забыть утрату.

Он взял игрушку. Это был маленький кораблик с одним сломанным парусом.

— Откуда он у твоего отца?

— Он купил его много лет назад на рынке. Сказал, что однажды вы оставили игрушку в его лавке, когда приходили с сыном.

Джамиль долго рассматривал кораблик.

— Как зовут твоего отца?

— Мухаммад.

Купец вспомнил. Мухаммад был бедным торговцем, которому он когда-то отказал в отсрочке платежа. Из-за той сделки человек потерял лавку и долгое время жил в нужде.

— Передай отцу, что я хотел бы поговорить с ним завтра.

Мальчик кивнул и убежал.

Джамиль вернулся в комнату, положил кораблик на стол и сел рядом. В памяти возникло лицо сына: светлые глаза, тонкие пальцы, смех, который когда-то наполнял весь дом. Он вспомнил, как мальчик просил купить ему настоящий корабль, чтобы однажды отправиться в путешествие.

Купец закрыл глаза.

В этот день он не заключил ни одной сделки, не приобрёл ни одной вещи и не заработал ни монеты. Но к вечеру ему казалось, что он прожил больше, чем за многие годы.

Когда солнце начало садиться, Джамиль достал раковину и приложил её к уху.

Сначала он услышал обычный шум моря, затем далёкий шелест деревьев, потом тихий голос, словно доносившийся из глубины времени.

— Ты наконец перестал торопиться, — произнёс голос.

Купец вздрогнул.

— Кто здесь?

— Тот, кто всегда был рядом, но которого ты никогда не замечал.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты искал ветер, который ещё не родился. А сегодня впервые услышал тот, что дует вокруг тебя.

Джамиль вышел на террасу. Над морем медленно опускалось солнце. Ветер шевелил листья пальм, колыхал занавеси и приносил запах соли.

Он вдруг понял, что всё это время жил так, словно настоящее было лишь ступенью к будущему. Он покупал вещи, чтобы радоваться завтра, заключал сделки, чтобы стать богаче через месяц, и откладывал встречи с близкими на тот день, когда будет свободен от дел.

Но этот день никогда не наступал.

На следующий день Джамиль отправился к Мухаммаду. Он вернул ему лавку, выплатил долги, которые тот когда-то потерял из-за несправедливой сделки, и предложил снова работать вместе. Затем купец посетил лекаря, оплатил лечение внучки старика и велел приготовить для неё маленький кораблик, чтобы однажды она смогла увидеть море.

А вечером он собрал своих друзей, но впервые не стал рассказывать о новых приобретениях. Он говорил о сыне, о старом кораблике, о море и о том, как легко человек может потерять самое дорогое, гоняясь за тем, что никогда не смо-

жет сделать его счастливым.

С тех пор Джамиль не перестал быть купцом. Он продолжал торговать, покупать и продавать, строить корабли и открывать новые лавки. Но каждый месяц он выбирал один день, в который не заключал сделок и не занимался делами. Он отдавал его тем, кого любил, и тем, кому нужна была помощь.

А раковину ветра хранил на самом видном месте в своём доме. Когда кто-нибудь спрашивал, сколько она стоит, Джамиль отвечал:

— Она стоит одного дня. Но не того, который я прожил, а того, который я однажды едва не потерял.

Шахерезада закончила рассказ и посмотрела на халифа.

Шахрияр некоторое время молчал. Потом взял со стола гранат, разломил его и положил несколько зёрен на серебряную тарелку.

— Этот купец был богат, — произнёс он. — И всё же ему пришлось учиться жить.

— Иногда богатство мешает человеку заметить то, что находится рядом с ним.

— А ты считаешь, что человек способен исправить прошлые ошибки?

— Не все, повелитель. Некоторые двери закрываются навсегда. Но пока человек жив, у него остаётся возможность не повторять прежних ошибок.

Шахрияр посмотрел на неё внимательнее.

— Ты говоришь так, будто сама когда-то что-то потеряла.

Шахерезада не ответила сразу.

— Каждый человек что-нибудь теряет, повелитель. Вопрос лишь в том, что он делает после этого.

Халиф отвёл взгляд. Ему не понравилось, что её слова коснулись чего-то внутри него, чего он давно не желал трогать.

— А что было в твоей шкатулке? — неожиданно спросил он.

Шахерезада посмотрела на деревянную шкатулку, стоявшую рядом.

— Там ничего нет, повелитель.

— Ты обещала, что после рассказа в ней появится мысль.

— Она уже появилась.

— Какая?

— Что даже самый богатый человек не может купить прожитый день.

Шахрияр долго смотрел на неё, затем произнёс:

— Завтра ты расскажешь мне историю о человеке, который пытался купить то, что не продаётся.

— Я постараюсь найти такую историю, повелитель.

— Не ищи слишком долго. Я хочу услышать её вечером.

Шахерезада склонила голову. Халиф не заметил, как в её глазах мелькнула улыбка.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ПЕСНЯ, КОТОРУЮ НЕ МОГЛИ ЗАПРЕТИТЬ

Вечером следующего дня в Багдаде произошло событие, о котором уже наутро говорили на всех рынках и во всех кофейнях города.

На площади возле дворца собралась толпа. Люди пришли посмотреть на странного музыканта, который утверждал, что умеет играть на инструменте, изготовленном из дерева, выросшего на острове, которого нет ни на одной карте.

Музыканта звали Рашид. Он был молод, красив и беден. У него не было ни собственного дома, ни постоянной работы. Он жил тем, что играл на площадях, в караван-сараях и в садах богатых купцов. Его знали многие, но никто не мог сказать, откуда он появился и где научился своей удивительной музыке.

В тот день он сидел у фонтана и играл на длинной флейте из тёмного дерева. Мелодия была настолько необычной, что люди невольно останавливались. Одни улыбались, другие начинали вспоминать детство, а некоторые вдруг чувствовали необъяснимую грусть.

Среди слушателей оказался молодой человек в богатом одеянии. Он долго стоял неподвижно, а затем подошёл к музыканту.

— Кто научил тебя играть так? — спросил он.

— Никто.

— Не лги. Так не играют без учителя.

— Может быть, меня научил ветер.

Молодой человек рассмеялся.

— Ветер? Ты хочешь сказать, что разговариваешь с ним?

— Нет. Я просто слушаю.

— А сколько стоит твоя флейта?

— Она не продаётся.

— Я дам тебе десять золотых.

— Нет.

— Двадцать.

Рашид покачал головой.

— Я не продаю её.

Молодой человек нахмурился.

— Ты знаешь, кто я?

— Нет.

— Я сын богатейшего купца в этом городе. Мой отец может купить половину рынка.

— Тогда пусть купит половину рынка. А флейту оставит мне.

Толпа засмеялась. Молодой человек покраснел.

— Ты пожалеешь о своих словах!

Он развернулся и ушёл, а Рашид снова поднёс флейту к губам.

Но музыка уже не звучала так легко, как прежде. Музыкант заметил, что за ним наблюдают двое людей в тёмных плащах. Они стояли неподалёку от фонтана и не сводили с него глаз.

Когда площадь начала пустеть, один из них подошёл к Рашиду.

— Тебя хочет видеть человек, которому не принято отказывать.

— Кто он?

— Ты узнаешь, когда придёшь.

— А если я не приду?

— Тогда он сам найдёт тебя.

Рашид посмотрел на незнакомца и понял, что разговор окончен. Он спрятал флейту под плащ и направился в сторону старого квартала.

В это же время во дворце Шахерезада готовилась к очередному вечеру. Она знала, что халиф ждёт от неё новую историю, но сегодня ей хотелось рассказать нечто иное. Не о богатстве и не о потерянных воспоминаниях, а о музыке, которая способна пробудить в человеке то, что он сам давно запретил себе чувствовать.

Когда её привели к Шахрияру, он сидел возле открытого окна и слушал далёкие звуки города.

— Сегодня ты опоздала, — сказал он.

— Простите, повелитель. Я задержалась, выбирая историю.

— Надеюсь, она того стоит.

— Иногда одна мелодия стоит целой жизни.

— Опять загадки?

— Нет, повелитель. Сегодня я расскажу вам о музыканте, который не хотел продавать свою флейту.

Шахрияр усмехнулся.

— Надеюсь, он хотя бы умел играть.

— Говорят, его музыка могла заставить плакать даже тех, кто давно разучился это делать.

Халиф поднял глаза.

— Начинай.

Шахерезада сделала небольшой глоток воды и заговорила:

— В те времена, когда на берегах Тигра ещё стояли сады, которых давно нет, жил в Багдаде один музыкант...

Она не успела закончить первую фразу, как за окном раздался далёкий звук флейты. Мелодия была тихой, почти неразличимой, но Шахрияр неожиданно замер.

— Что это? — спросил он.

— Музыка, повелитель.

— Я слышу. Но откуда она?

— Возможно, кто-то играет на площади.

Халиф поднялся и подошёл к окну. Внизу, далеко за дворцовыми стенами, среди огней ночного города двигалась маленькая фигура. Доносившаяся оттуда мелодия казалась странно знакомой.

Шахрияр долго слушал, а потом тихо произнёс:

— Я слышал эту песню прежде.

Шахерезада внимательно посмотрела на него.

— Где, повелитель?

Халиф не ответил.

Он продолжал смотреть на огни Багдада, словно пытался разглядеть в них нечто давно утраченное.

А Шахерезада поняла, что на этот раз её история может привести её гораздо ближе к сердцу халифа, чем все предыдущие рассказы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
ЛЮДИ В ТЁМНЫХ ПЛАЩАХ

На следующее утро Шахрияр впервые за долгое время не стал торопить визиря с докладами. Он сидел у открытого окна, прислушиваясь к звукам пробуждающегося Багдада. Где-то внизу перекликались торговцы, звенели медные чаши, скрипели колёса повозок. Город жил своей привычной жизнью, и всё же халифу казалось, будто за прошедшую ночь в нём что-то изменилось.

Он помнил мелодию флейты. Она возникла среди ночи, проникла сквозь дворцовые стены и заставила его вернуться мыслями туда, куда он не позволял себе заглядывать много лет. Но стоило ему попытаться вспомнить лицо человека, игравшего эту мелодию когда-то давно, как воспоминание ускользало, оставляя после себя лишь смутное чувство утраты.

— Найдите музыканта, — наконец произнёс он.

Визирь Абд аль-Хасан, стоявший неподалёку, поднял глаза.

— Какого именно, повелитель?

— Того, который играл сегодня ночью на флейте. Его зовут Рашид. Я хочу услышать его музыку.

Визирь поклонился, не задавая лишних вопросов. Он

знал, что некоторые распоряжения халифа лучше исполнять без промедления и без любопытства.

А тем временем Рашид уже понял, что за ним наблюдают.

Два человека в тёмных плащах появились возле его дома ещё до восхода солнца. Они не пытались скрываться, но и не подходили близко. Один стоял у колодца, другой прислонился к стене лавки, делая вид, будто рассматривает выставленные на продажу ткани. Когда Рашид вышел, оба одновременно направились к нему.

— Ты Рашид, музыкант? — спросил один из них.

— Смотря кому это интересно.

— Человеку, который желает тебя видеть.

— Тогда пусть этот человек сам придёт послушать музыку. Я никуда не собираюсь.

Второй незнакомец усмехнулся.

— Ты слишком свободно разговариваешь с людьми, которых не знаешь.

— А вы слишком много знаете о человеке, с которым никогда прежде не встречались.

Первый незнакомец снял капюшон. Под ним оказалось усталое лицо человека средних лет с небольшой серебристой бородой.

— Мы не враги тебе, Рашид. Но наш хозяин не привык, чтобы его приглашения оставались без ответа.

— А я не привык, чтобы меня приглашали угрозами.

Мужчина помолчал, затем произнёс уже спокойнее:

— Тебя хотят услышать. Не купить твою флейту и не заставить играть на площади. Просто услышать. Иногда это бывает важнее, чем кажется.

Рашид посмотрел на обоих. В их одежде не было ничего примечательного, однако он заметил под плащом первого короткий меч, а на руке второго — перстень с изображением сокола. Такие перстни носили люди, служившие при дворе.

— Кто ваш хозяин?

— Ты узнаешь, когда придёшь.

Рашид хотел отказаться, но вдруг вспомнил слова старого моряка, который много лет назад подарил ему деревянную флейту: «Однажды она позовёт тебя туда, куда ты сам никогда не решился бы отправиться. Не бойся дороги, но помни: не всякий, кто слушает музыку, способен её услышать».

Он взял флейту, завернул её в кусок мягкой ткани и последовал за незнакомцами.

Они прошли через несколько узких улиц, миновали шумный рынок и вышли к старому караван-сараю, стоявшему неподалёку от реки. Когда-то здесь останавливались купцы, прибывавшие в Багдад из дальних стран, но теперь его внутренний двор зарос травой, а деревянные галереи местами обрушились. Лишь в одном помещении горела лампа.

— Здесь живёт ваш хозяин? — спросил Рашид.

— Здесь он ждёт тебя.

В комнате, куда его привели, сидел пожилой человек в простом тёмном одеянии. Перед ним стояли две чаши с во-

дой, а на низком столике лежала раскрытая книга. Старик был почти седым, но держался прямо, как человек, привыкший к долгим дорогам и тяжёлым испытаниям.

— Подойди, — сказал он.

Рашид остался возле двери.

— Сначала я хотел бы узнать, кто вы и зачем меня искали.

— Справедливое желание. Меня зовут Фарид. Когда-то я служил музыкантом при дворе, а позднее учил игре тех, кто мечтал прославиться. Теперь я почти никого не учу и редко покидаю этот дом.

— Значит, вы слышали обо мне?

— Я слышал твою флейту.

— И что же вы в ней услышали?

Старик внимательно посмотрел на юношу.

— Не твою музыку. Чужую память.

Рашид нахмурился.

— Я сам играю на ней. И сам выбираю мелодии.

— Разумеется. Но дерево, из которого сделана твоя флейта, помнит то, чего ты не знаешь.

Рашид невольно прижал к себе свёрток.

— Кто вам сказал о ней?

— Никто. Я узнал её голос.

Фарид поднялся и подошёл к небольшому сундуку, стоявшему у стены. Он достал оттуда старую деревянную дощечку, потемневшую от времени. На ней был вырезан знак — птица с расправленными крыльями над волной.

Рашид сразу узнал его.

Такой же знак был выжжен у основания его флейты.

— Откуда это у вас? — спросил он.

— От человека, который когда-то построил корабль с таким знаком. Его называли «Лунной птицей». Он ходил к островам, лежащим далеко за пределами обычных торговых путей. Говорили, что там растёт дерево, способное сохранять звук человеческого голоса. Моряки считали это сказкой, пока однажды один из них не привёз оттуда несколько ветвей.

— Кто был этот человек?

— Твой дед.

Рашид замер.

О своём деде он почти ничего не знал. Отец умер, когда мальчик был ещё маленьким, а мать никогда не рассказывала о прежней жизни семьи. Она лишь говорила, что флейта досталась ему от человека, который умел слышать море даже на суше.

— Вы знали моего деда?

— Я плавал с ним однажды. Он был человеком необыкновенным: не самым богатым, не самым смелым и уж точно не самым осторожным. Но он обладал редким даром — умел слушать людей, не перебивая их. Когда корабль возвращался из дальнего плавания, он привёз с собой женщину и маленькую девочку. Никто не знал, откуда они появились и почему дед решил оставить их в своём доме.

— Женщину? Девочку? — переспросил Рашид.

— Да. И именно тогда я впервые услышал эту мелодию.

Фарид закрыл глаза, словно пытаясь восстановить давно забытый звук.

— Её напевала женщина. Она пела тихо, почти без слов, когда думала, что никто её не слышит. Твой дед попросил меня запомнить эту мелодию. Сказал, что однажды она может понадобиться тому, кто ещё не родился.

Рашид медленно развернул ткань и достал флейту.

— Вы хотите сказать, что эта музыка принадлежит моей семье?

— Я хочу сказать, что у каждой мелодии есть своя дорога. Иногда она длиннее человеческой жизни.

Старик указал на флейту.

— Сыграй её.

Рашид поднял инструмент и осторожно прикоснулся губами к деревянному краю. Первые звуки прозвучали неуверенно, затем мелодия наполнила комнату. Фарид сидел неподвижно, и только пальцы его правой руки едва заметно двигались, словно он беззвучно сопровождал знакомую песню.

Когда музыка смолкла, старик долго не открывал глаз.

— Теперь я уверен, — сказал он наконец. — Ты должен узнать, кто была та женщина.

— Где её найти?

— Это я не знаю. Но знаю другого человека, который может помнить её имя.

— Кто он?

Фарид посмотрел на него с неожиданной тревогой.

— Человек, которого давно считают погибшим. И если он ещё жив, то, возможно, сам не желает, чтобы его нашли.

Рашид хотел задать следующий вопрос, но за стеной послышались шаги. Один из людей в тёмном плаще вошёл в комнату и наклонился к Фариду.

— Пришло распоряжение из дворца. Музыканта требуют к халифу.

Старик медленно повернулся к Рашиду.

— Похоже, твоя мелодия добралась до того, кого давно не тревожила ни одна песня.

Рашид почувствовал, как холодеют его пальцы. Он ещё не знал, почему его зовут во дворец, но уже понимал: встреча с этим человеком изменит его жизнь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
МЕЛОДИЯ ИЗ ДАЛЁКОГО ПРОШЛОГО

Когда Рашид вошёл во дворец, солнце уже поднялось над Багдадом. Его провели через несколько просторных залов, украшенных мозаикой, резными колоннами и тяжёлыми занавесями. Здесь всё напоминало о власти и богатстве: золотые светильники, ковры из дальних стран, серебряные блюда, на которых слуги приносили фрукты и сладости. Но юноша почти не замечал великолепия. Он думал о словах Фарида и о женщине, чью песню, возможно, хранила его флейта.

Наконец стражник остановился перед высокими дверями.

— Жди здесь.

Рашид остался один. Он слышал за дверями приглушённые голоса и шаги. Вскоре появился визирь, внимательно посмотрел на юношу и спросил:

— Ты умеешь вести себя при дворе?

— Я умею играть на флейте.

— Это не одно и то же.

— Для меня музыка важнее придворных манер.

Визирь едва заметно улыбнулся.

— Надеюсь, ты сумеешь убедить в этом и повелителя.

Двери распахнулись.

Шахрияр сидел на возвышении. На нём была тёмная одежда, расшитая золотой нитью, но лицо его казалось усталым. Рядом стояли несколько приближённых. Халиф жестом велел им удалиться.

— Подойди, — сказал он.

Рашид приблизился и поклонился.

— Ты играл прошлой ночью?

— Да, повелитель.

— Где ты научился этой мелодии?

— Не знаю. Я играю её с детства.

— Кто научил тебя?

— Мать говорила, что флейта досталась мне от деда. А мелодия, возможно, старше самой флейты.

Шахрияр слегка подался вперёд.

— Сыграй.

Рашид развернул ткань, достал инструмент и посмотрел на халифа.

— Какую мелодию, повелитель?

— Ту, которую ты играл ночью.

Юноша поднёс флейту к губам.

Первые звуки прозвучали в огромном зале тихо, почти робко. Но вскоре мелодия обрела прежнюю силу. Она словно не нуждалась в стенах, людях и времени. Ей было достаточно одного слушателя, чтобы вновь ожить.

Шахрияр побледнел.

Перед его глазами возник сад, залитый вечерним светом. Он был ещё мальчиком, почти ребёнком. На мраморной скамье сидела женщина с тёмными волосами и пела, глядя на две маленькие фигурки, бегавшие между деревьями. Одна из них была им самим, другая — его младшим братом.

Он помнил аромат цветов, прохладу фонтана и тонкий голос матери. Но прежде всего он помнил эту мелодию. Она звучала в те редкие вечера, когда дворцовые заботы ещё не заслоняли собой детство, а будущее не казалось бесконечной чередой потерь.

— Довольно, — тихо произнёс халиф.

Рашид опустил флейту.

— Повелитель?

Шахрияр поднялся с места.

— Откуда ты знаешь эту песню?

— Я не знаю, повелитель. Она всегда была со мной.

— Кто был твоим дедом?

— Его звали… — Рашид запнулся. — В семье говорили, что его звали Халид. Но я почти ничего о нём не знаю.

Халиф повернулся к окну.

— Когда-то эту песню пела женщина, которую я любил больше всех на свете.

Рашид не решился ответить.

— Моя мать, — добавил Шахрияр. — Она умерла, когда я был ещё молод. Я не слышал этой мелодии много лет.

В зале воцарилась тишина. Даже слуги, стоявшие у дверей, не шевелились.

— Повелитель, — осторожно произнёс Рашид, — я не хотел напоминать вам о печали.

— Музыка не виновата в том, что люди забывают тех, кого должны помнить.

Эти слова удивили самого Шахрияра. Он произнёс их без гнева, почти с сожалением. Потом снова посмотрел на юношу.

— Ты сказал, что флейта досталась тебе от деда. Кто передал её твоему отцу?

— Мать. Она сказала, что отец получил её от деда незадолго до своей смерти.

— А твоя мать? Что ты знаешь о ней?

— Мало, повелитель. Она умерла, когда я был ребёнком. До последнего дня берегла эту флейту. Иногда, думая, что я сплю, она напевала ту же мелодию.

Шахрияр отвернулся. Он пытался понять, что именно потревожило его сильнее: сама песня или мысль о том, что она могла пройти через столько лет и столько человеческих судеб, прежде чем вновь прозвучать в его дворце.

— Как звали твою мать?

— Мариам.

Имя ничего не сказало халифу. Он задумался, затем позвал визиря.

— Абд аль-Хасан!

Визирь появился почти мгновенно.

— Повелитель.

— Найди сведения о человеке по имени Халид. Он мог служить на торговых кораблях, ходить к дальним островам. Возможно, был знаком с музыкантами при дворе во времена моего отца. Мне нужны все сведения о нём и его семье.

Визирь поклонился.

— Будет исполнено.

— И ещё. Никто не должен тревожить этого юношу. Пусть он остаётся во дворце столько, сколько пожелает. Ему дадут комнату, пищу и всё необходимое.

Рашид удивлённо посмотрел на халифа.

— Я благодарю вас, повелитель, но у меня есть дом. И есть человек, который ждёт моего возвращения.

— Кто?

— Старый музыкант по имени Фарид. Он рассказал мне о моём деде и о женщине, которая когда-то прибыла с ним

из дальнего плавания.

При этих словах визирь едва заметно изменился в лице. Шахрияр заметил это.

— Ты знаешь этого человека? — спросил он.

Абд аль-Хасан не сразу ответил.

— Я слышал его имя, повелитель. Много лет назад он действительно служил при дворе. Но затем исчез из дворцовой жизни.

— Почему?

— Не знаю. В те годы многое происходило без моего участия.

Шахрияр посмотрел на визиря пристальнее, но не стал продолжать расспросы.

— Найди Фарида. И приведи его ко мне.

Когда Рашид покинул зал, халиф ещё долго оставался у окна. Он смотрел на сад, где под ветром колыхались ветви апельсиновых деревьев. В памяти вновь возник голос матери. На этот раз он не исчезал так быстро, как прежде.

Вечером Шахрияр велел не зажигать в своих покоях лишних светильников. Он сидел в полумраке и думал о том, как легко человек теряет прошлое, даже если считает его навсегда принадлежащим себе. Он привык полагать, что власть может открыть любую дверь, но одна короткая мелодия вернула его к воспоминанию, которое не смогли сохранить ни летописцы, ни придворные, ни богатства его царства.

Когда Шахерезада вошла в его покои, халиф уже ждал её.

— Ты знала, что эта песня мне знакома? — спросил он.

— Нет, повелитель.

— Тогда откуда ты выбрала именно эту историю?

— Я не выбирала её для вас. Я рассказываю то, что должно быть рассказано.

Шахрияр внимательно посмотрел на неё.

— Иногда мне кажется, что твои истории знают обо мне больше, чем я сам.

— История ничего не знает, повелитель. Она лишь показывает человеку то, на что он прежде не хотел смотреть.

Он помолчал.

— Продолжай. Я хочу узнать, кто была та женщина, прибывшая из дальних стран, и почему её песня оказалась в руках простого музыканта.

Шахерезада чуть склонила голову.

— Тогда выслушайте следующую ночь, повелитель. Ибо иногда тайна открывается не тому, кто ищет её настойчивее всех, а тому, кто наконец научился ждать.

И Шахрияр не стал спорить. Он впервые за долгое время почувствовал, что ему хочется дождаться утра не ради того, чтобы закончить ночь, а ради того, чтобы узнать, что произойдёт дальше.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
ТАЙНА СТАРОГО МУЗЫКАНТА

На рассвете Абд аль-Хасан получил приказ, который не давал ему покоя всю ночь. Халиф потребовал разыскать Фа-

рида и выяснить всё, что касалось семьи молодого музыканта. Само по себе это поручение не казалось необычным: Шахрияр нередко интересовался людьми, чьи поступки или судьбы привлекали его внимание. Но на этот раз визирь почувствовал в приказе нечто большее, чем простое любопытство.

Имя Фарида пробудило в нём воспоминание, которое он предпочёл бы оставить в прошлом.

Много лет назад, ещё до того, как Абд аль-Хасан стал главным визирем, при дворце служил музыкант, умевший играть на десятках инструментов. Его приглашали на праздники, свадьбы и торжественные приёмы. Он знал старинные песни Персии, арабские напевы, мелодии индийских стран и даже несколько удивительных музыкальных произведений, привезённых мореплавателями с далёких островов. Его звали Фарид.

Но однажды музыкант исчез. Одни говорили, что он отправился в паломничество, другие утверждали, будто поссорился с придворными и покинул Багдад навсегда. Визирь знал лишь, что незадолго до исчезновения Фарид передал покойному халифу письмо, после которого тот приказал уничтожить некоторые дворцовые записи.

Тогда Абд аль-Хасан был слишком молод, чтобы задавать вопросы. Теперь он жалел об этом.

Он вызвал начальника дворцовой стражи и велел найти старого музыканта, не поднимая шума. Затем распорядился

принести из хранилища старые книги учёта и списки людей, служивших при дворе во времена отца Шахрияра.

Работа оказалась трудной. Многие записи были повреждены, некоторые страницы исчезли, а другие содержали лишь короткие заметки. Однако ближе к полудню визирь обнаружил имя, которое заставило его отложить книгу.

Фарид ибн Салех. Придворный музыкант. Уволен по личному распоряжению халифа. Причина не указана.

Ниже стояла ещё одна запись, сделанная другим почерком: «Передать письмо и деревянный футляр в личное распоряжение повелителя».

Футляр.

Визирь перечитал строку несколько раз. Он вспомнил, что в детстве видел такой предмет в руках старого дворцового слуги. Тот нёс его в покои покойного халифа, прикрывая тканью, словно внутри находилось нечто драгоценное.

Но что именно?

Абд аль-Хасан закрыл книгу. Он решил, что больше не будет строить догадок. Нужно было найти Фарида.

Тем временем Рашид вернулся в караван-сарай. Старик сидел в той же комнате, где они расстались накануне. Перед ним лежала раскрытая книга, однако он не читал. Услышав шаги, Фарид поднял голову.

— Ты вернулся, — сказал он.

— Халиф слушал мою музыку.

— И узнал мелодию?

— Да. Он сказал, что её пела его мать.

Фарид медленно закрыл книгу.

— Значит, время всё-таки настало.

— Какое время? Вы говорите загадками, будто боитесь назвать вещи своими именами.

— Иногда имя опаснее самой тайны.

Рашид положил флейту на стол.

— Вы обещали рассказать мне о женщине, которая прибыла из дальних стран вместе с моим дедом. Я хочу знать, кто она была и почему её песня знакома матери халифа.

Старик долго смотрел на него, словно решая, какую часть правды можно открыть.

— Женщину звали Лейла. Она была дочерью человека, который жил на острове, куда редко заходили торговые корабли. Там не было ни больших дворцов, ни богатых рынков, но люди знали множество древних песен. Говорили, что некоторые из них появились задолго до основания Багдада.

— Она была родственницей моего деда?

— Нет. Но он спас её во время сильного шторма. Корабль, на котором она плыла с отцом, разбился о скалы. Из всех пассажиров уцелели только двое — Лейла и маленький мальчик, которого она держала на руках. Твой дед доставил их в безопасное место, а потом привёз в Багдад.

— И что с ними стало?

— Мальчика он оставил у знакомых купцов. А Лейла осталась при дворце.

Рашид удивлённо поднял голову.

— При дворце?

— Да. Она обладала удивительным голосом. Однажды её услышала мать нынешнего халифа. Между ними возникла дружба, хотя по положению они принадлежали к совершенно разным мирам. Лейла стала её доверенной подругой и учила её песням своего острова.

— Значит, именно Лейла научила мать халифа этой мелодии?

— Верно.

— Но почему тогда она оказалась у моего деда?

Фарид опустил взгляд.

— Потому что однажды во дворце случилось несчастье. Лейлу обвинили в том, чего она не совершала. Её обвинили в краже письма, предназначенного правителю. Никто не пожелал выслушать её объяснения. Твой дед поверил ей и помог покинуть дворец.

— А халиф?

— Отец Шахрияра не смог защитить её. Или не захотел. Я никогда не знал, что из этого было правдой.

Рашид почувствовал, как внутри него поднимается гнев.

— И все эти годы вы молчали?

— Я молчал не потому, что забыл. Я дал слово человеку, который просил меня не открывать эту историю, пока не появится тот, кому она действительно принадлежит.

— Моему деду?

— Нет. Лейле.

Рашид встал и прошёлся по комнате.

— Но она давно умерла?

— Да. Она умерла в доме твоего деда, когда ты ещё не родился. Однако перед смертью оставила ему одну вещь.

Фарид открыл небольшой ящик и достал из него сложенный вчетверо лист плотной бумаги. На нём были изображены остров, три горы и корабль с расправленными парусами. В углу стоял тот же знак, что и на флейте: птица над волной.

— Что это? — спросил Рашид.

— Карта. Но не морская. На ней отмечено место, где хранилось то, что Лейла не смогла вернуть дворцу.

— Что именно?

Фарид покачал головой.

— Этого я не знаю. Твой дед забрал карту и спрятал её. Перед смертью он просил меня никому не показывать её, кроме потомка его рода, который однажды сыграет эту мелодию перед халифом.

Рашид посмотрел на старика.

— Значит, вы ждали меня?

— Я ждал не тебя. Я ждал человека, который однажды услышит эту песню и поймёт, что она принадлежит не ему одному.

В этот момент снаружи раздался стук. Фарид быстро убрал карту, но дверь уже открывалась.

На пороге стояли двое дворцовых стражников. За ними

показался Абд аль-Хасан.

— Мир тебе, Фарид, — произнёс визирь.

Старик поднялся.

— И тебе мир, визирь. Давно ты не переступал порог моего дома.

— Давно. Но теперь у меня есть приказ халифа.

Фарид посмотрел на Рашида.

— Я полагаю, нам придётся продолжить разговор позднее.

— Не позднее, — спокойно ответил визирь. — Халиф желает видеть вас обоих. И, насколько я понимаю, разговор касается событий, которые произошли задолго до моего рождения.

Фарид побледнел.

— Значит, он вспомнил.

— Вспомнил песню, — ответил Абд аль-Хасан. — Но, возможно, этого достаточно, чтобы вспомнить и остальное.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
ПИСЬМО, КОТОРОЕ ЖДАЛО ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Во дворце Фарида встретили без обычных почестей, но и без прежней холодности. Шахрияр распорядился, чтобы старика и Рашида провели в небольшие покои рядом с внутренним садом. Сам он появился лишь через некоторое время.

— Фарид, — произнёс халиф, остановившись перед старым музыкантом. — Я думал, ты давно умер.

— Иногда люди исчезают из дворца, повелитель, но продолжают жить за его стенами.

— Ты был другом моей матери.

— Я был человеком, который имел честь слышать её голос.

Шахрияр некоторое время молчал. Затем указал на кресла.

— Садись. Я хочу знать, почему ты покинул дворец и что произошло с женщиной по имени Лейла.

Фарид опустился в кресло. Рашид остался рядом, держа флейту в руках.

— Повелитель, я могу рассказать только то, что видел сам. Но прежде прошу вас выслушать меня до конца.

— Говори.

Старик начал свой рассказ.

Много лет назад дворец отца Шахрияра был полон музыки. Молодой наследник ещё не знал, насколько тяжёлой может стать власть, а его мать любила устраивать небольшие вечера, на которых собирались поэты, музыканты и путешественники. Именно тогда во дворце появилась Лейла.

Она не была придворной красавицей и не умела вести себя так, как полагалось женщинам высокого положения. Она говорила просто, смеялась открыто и не скрывала удивления перед тем, что видела впервые. Её родной остров был далёк от Багдада, а жизнь там текла иначе. Она рассказывала о морских ветрах, о садах, где деревья росли прямо на скалах, и о людях, которые считали песни способом сохранять память о предках.

Мать Шахрияра полюбила её за искренность.

Они часто сидели вместе в саду. Лейла пела, а халифа-мать, как называли её при дворе, училась повторять незнакомые слова. Иногда к ним присоединялся маленький Шахрияр. Он просил Лейлу рассказывать о море и дальних землях, а та обещала, что однажды покажет ему корабль, способный пересечь самые бурные воды.

Но у дворца были свои тайны.

Однажды Лейле доверили письмо, которое должно было попасть к правителю. В нём говорилось о незаконной продаже земель, принадлежавших нескольким деревням, и о людях, которые наживались на бедствиях простого народа. Лейла обнаружила, что письмо исчезло. Вскоре его нашли среди её вещей.

Она отрицала свою вину, но никто не стал слушать.

— Я видел, как она стояла перед советом, — рассказывал Фарид. — Она не плакала и не просила пощады. Она лишь сказала, что письмо было подменено и что настоящий виновник находится среди тех, кто обвиняет её. Но её слова сочли дерзостью.

— Кто обвинил её? — спросил Шахрияр.

Фарид помедлил.

— Человек по имени Харун. Он управлял дворцовыми складами и имел большое влияние на некоторых советников.

Абд аль-Хасан, стоявший неподалёку, нахмурился.

— Харун? — переспросил он. — Этот человек умер много

лет назад.

— Да, — ответил Фарид. — Но его сыновья и внуки продолжают занимать важные должности.

Шахрияр посмотрел на визиря.

— Ты знаешь эту семью?

— Знаю, повелитель. Некоторые её представители служат при дворе и по сей день.

Халиф вновь обратился к Фариду:

— Что случилось с Лейлой после обвинения?

— Твой отец приказал ей покинуть дворец. Он не позволил подвергнуть её наказанию, но и не стал оправдывать. Она ушла вместе с твоим дедом, который тогда служил на торговом корабле. Перед отъездом она попросила меня передать тебе одну вещь.

— Мне?

— Да, повелитель. Она сказала, что однажды ты станешь правителем и должен будешь узнать правду. Но не тогда, когда будешь молод и окружён людьми, которые станут решать за тебя. А тогда, когда научишься отличать преданность от лести.

Шахрияр опустил голову. Он едва помнил Лейлу, но слова Фарида пробудили в нём давно забытое чувство. Он вспомнил, как однажды проснулся ночью и услышал за окном песню. Мать сидела у фонтана вместе с Лейлой. Они думали, что он спит, и не замечали его присутствия.

— Где эта вещь? — спросил он.

Фарид посмотрел на Рашида.

— Она у потомка человека, который помог Лейле.

Рашид развернул ткань и показал флейту.

— Это?

— Нет, — ответил старик. — Флейта хранит мелодию. Но Лейла передала твоему деду ещё и письмо. Он спрятал его вместе с картой.

— Значит, письмо существует? — спросил Шахрияр.

— Существует. И если оно сохранилось, в нём может быть имя человека, который подменил настоящее послание.

Халиф поднялся.

— Почему ты не принёс его раньше?

— Я не знал, где оно находится. Твой дед спрятал карту, а после его смерти она исчезла. Я много лет искал её, но безуспешно. Лишь недавно узнал, что знак на флейте может привести к тайнику.

— И ты ничего не сказал мне, когда впервые появился во дворце?

— Я не появлялся во дворце, повелитель. Я ждал, пока сама музыка приведёт к вам того, кто сможет продолжить поиски.

Шахрияр отошёл к окну. В его душе сталкивались два чувства: надежда узнать правду о прошлом и тревога перед тем, что эта правда может открыть.

— Абд аль-Хасан, — произнёс он, — выясни, кто из нынешних придворных связан с семьёй Харуна. Но действуй

осторожно. Я не желаю, чтобы кто-либо узнал о письме раньше меня.

— Будет исполнено, повелитель.

Затем халиф повернулся к Рашиду.

— Ты отправишься на поиски тайника вместе с Фаридом. Я дам вам людей, но они не станут вмешиваться в ваши решения. Если письмо существует, я хочу получить его из рук того, кому оно было доверено.

Рашид склонил голову.

— Я сделаю всё, что смогу.

— И ещё одно. Не позволяй никому забрать твою флейту. Теперь я понимаю, что она значит гораздо больше, чем просто музыкальный инструмент.

После беседы Фарид и Рашид покинули дворцовые покои. Старик выглядел усталым, но в его глазах появилось то выражение, которого юноша прежде не замечал: ожидание скорого освобождения от тяжёлой ноши.

— Теперь ты понимаешь, почему я молчал? — спросил он, когда они остались одни.

— Не совсем. Но начинаю понимать, что некоторые тайны нельзя раскрывать, пока не появится человек, способный вынести их последствия.

— Хорошо сказано. Твой дед любил повторять: правда похожа на лекарство. Если дать её слишком рано или не тому человеку, она может причинить больше вреда, чем болезнь.

Рашид задумался.

— А где искать карту?

— Твой дед оставил мне одну подсказку. Он говорил, что самое надёжное место для тайны — то, куда человек приходит каждый день и никогда не смотрит внимательно.

— Что это может быть?

Фарид улыбнулся.

— Вот это нам и предстоит выяснить.

Они уже подходили к выходу из дворца, когда один из слуг передал Фариду небольшой свёрток. На нём не было имени отправителя. Старик развернул ткань и увидел короткую записку, написанную знакомым почерком.

Всего одна строка:

«Не ищите письмо. Тот, кто ищет его, уже находится под наблюдением».

Фарид перечитал её и медленно поднял глаза.

— Что случилось? — спросил Рашид.

Старик сложил записку.

— Кажется, мы не первые, кто вспомнил о Лейле.

А в глубине дворца, за закрытыми дверями одного из служебных помещений, неизвестный человек положил на стол маленький деревянный футляр. Он открыл его, вынул пожелтевший лист и некоторое время рассматривал старую печать.

Затем бросил письмо в огонь. Но прежде чем пламя успело уничтожить последние строки, человек успел прочитать имя, стоявшее внизу. Имя того, кто двадцать лет назад при-

казал скрыть правду.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
СЛЕД, КОТОРЫЙ ВЕДЁТ К ДВОРЦУ

Ночь опустилась на Багдад, но во дворце халифа ещё долго не гасли светильники. Шахрияр не мог уснуть. Перед его глазами вновь и вновь возникала старая песня, которую он слышал в детстве, и лицо матери, давно исчезнувшее из его памяти. Он пытался восстановить подробности тех лет, но чем настойчивее всматривался в прошлое, тем отчётливее ощущал, что какая-то важная часть его жизни была от него скрыта.

Особенно тревожило его последнее сообщение Фарида. Если кто-то знал о письме Лейлы и готов был уничтожить его, значит, эта история не закончилась много лет назад. Она продолжала жить среди людей, занимавших высокие должности, пользовавшихся доверием двора и, возможно, принимавших решения от имени самого халифа.

Шахрияр позвал Абд аль-Хасана.

Визирь вошёл почти сразу.

— Ты нашёл что-нибудь?

— Пока нет, повелитель. Но я проверил старые списки. Семья Харуна действительно сохранила влияние при дворе. Его внук, Мансур ибн Харун, ныне распоряжается частью казённых складов и имеет доступ к архивам.

— Он знает о письме?

— Не могу утверждать. Но именно его люди в последние

дни интересовались старым караван-сараем, где жил Фарид.

Шахрияр поднялся.

— Значит, за музыкантом следили ещё до того, как я приказал его разыскать.

— Похоже на то.

— Почему ты не доложил мне раньше?

— Я хотел убедиться, повелитель. Мансур — влиятельный человек. Его отец и дед служили вашему роду, и любое необдуманное обвинение может вызвать смуту среди придворных.

Халиф посмотрел на визиря.

— Я не просил тебя обвинять его. Я просил узнать правду.

Абд аль-Хасан склонил голову.

— Я понимаю.

— Тогда слушай внимательно. Не сообщай никому о наших разговорах. Не отправляй к Мансурову дому открытых отрядов. Мне нужно знать, кто стоит за ним и чего он боится.

Визирь поклонился и вышел.

Шахрияр снова остался один. Впервые за много лет он испытывал не только гнев, но и любопытство к собственной истории. Ему хотелось понять, почему мать так дорожила женщиной, которую дворец отверг, и почему отец предпочёл скрыть правду, вместо того чтобы восстановить справедливость.

А в это время Рашид и Фарид направлялись к старому рынку.

— Ты сказал, что дед оставил подсказку, — напомнил Рашид. — Самое надёжное место для тайны — то, куда человек приходит каждый день и никогда не смотрит внимательно. Но куда именно?

Фарид шёл медленно, опираясь на трость.

— Твой дед был моряком, но последние годы жизни провёл в Багдаде. Он часто посещал одно место. Говорил, что там можно услышать дыхание города.

— Мечеть?

— Нет.

— Рынок?

— Ближе.

— Караван-сарай?

Фарид улыбнулся.

— Ты мыслишь как купец. Но твой дед любил не торговать, а наблюдать. Он говорил, что на рынке человек показывает своё настоящее лицо, потому что занят тем, что считает самым важным.

Они остановились возле небольшого ряда лавок, где торговали благовониями, пряностями и лекарственными травами. Воздух был наполнен ароматами корицы, шафрана, сушёной мяты и ладана. Продавцы уже собирали товар, но несколько покупателей продолжали торговаться при свете масляных ламп.

Фарид указал на узкий проход между двумя лавками.

— Здесь.

— Что здесь?

— Старый колодец. Твой дед приходил к нему почти каждый день.

Рашид посмотрел в указанном направлении. В глубине прохода действительно находился небольшой колодец, прикрытый деревянной решёткой. Он выглядел заброшенным. Вода давно перестала быть пригодной для питья, и торговцы использовали его лишь как место, где можно укрыться от полуденной жары.

— И что мы должны найти?

— Не знаю. Но твой дед говорил, что вода умеет хранить отражения даже тогда, когда её больше нет.

Рашид осторожно приподнял решётку. Внутри колодца было темно. Он посветил лампой и увидел на каменной стене несколько вырезанных знаков. Среди них была птица над волной.

— Фарид! Посмотри!

Старик подошёл ближе. Он долго рассматривал каменную кладку, затем коснулся пальцами одного из знаков.

— Это не просто изображение. Видишь линию под крылом? Она продолжается в сторону.

Они стали внимательно осматривать стену. Через некоторое время Рашид обнаружил небольшой каменный выступ. Он надавил на него, и одна из плит слегка сдвинулась.

За ней оказалась узкая полость, в которой лежал свёрнутый кусок ткани.

Рашид осторожно достал его. Внутри находился маленький медный ключ и деревянная пластинка с короткой надписью:

«Ищи там, где голоса становятся тише, а книги помнят больше людей».

— Библиотека, — сразу сказал Рашид.

Фарид кивнул.

— Библиотека старого дворца.

— Но туда нельзя войти без разрешения халифа.

— Значит, придётся попросить его о помощи.

Рашид посмотрел на ключ.

— А если кто-то уже знает, что мы нашли его?

Старик не успел ответить. В проходе послышались шаги. Из-за угла появились трое мужчин. Один из них был тем самым человеком, которого Рашид видел возле своего дома. На его руке блеснул перстень с изображением сокола.

— Добрый вечер, уважаемые, — произнёс незнакомец. — Похоже, вы нашли то, что вам не принадлежит.

Фарид заслонил собой Рашида.

— Мы нашли то, что оставил человек нашей семьи.

— В этом городе многое когда-то кому-то принадлежало. Но не всё следует возвращать.

— Кто ты такой, чтобы решать?

Мужчина усмехнулся.

— Тот, кто советует вам забыть о старых историях.

— А если мы не захотим?

— Тогда вам придётся узнать, почему некоторые истории лучше оставлять мёртвыми.

Он сделал шаг вперёд. Двое других двинулись следом.

Рашид сжал ключ в ладони. Он понимал, что сопротивление может закончиться плохо, особенно для старого Фарида. Но прежде чем незнакомцы успели приблизиться, со стороны рынка раздался громкий оклик:

— Эй! Что здесь происходит?

К ним быстро направлялись двое стражников. Нападавшие переглянулись. Человек с перстнем отступил в тень.

— Мы ещё встретимся, музыкант, — бросил он Рашиду.

Через мгновение все трое исчезли в лабиринте переулков.

Стражники оказались людьми, которых Абд аль-Хасан тайно приставил к Рашиду и Фариду. Они проводили их до дворца, не задавая вопросов. Но теперь старик понимал: времени у них почти не осталось.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
БИБЛИОТЕКА ЗА ЗАКРЫТОЙ ДВЕРЬЮ

На следующий день Шахрияр принял Рашида и Фарида в небольшом зале, куда редко допускали придворных. Здесь не было ни золотых колонн, ни пышных занавесей. На стенах висели карты, а вдоль окон стояли шкафы с рукописями. Халиф любил иногда приходить сюда, чтобы читать книги, не опасаясь, что кто-нибудь станет отвлекать его бесконечными докладами.

Рашид положил перед ним медный ключ и деревянную

пластинку.

— Мы нашли их в старом колодце, повелитель. Там, куда мой дед приходил почти каждый день.

Шахрияр прочитал надпись.

— «Ищи там, где голоса становятся тише, а книги помнят больше людей»…

Он поднял глаза на Фарида.

— Ты знаешь, о какой библиотеке идёт речь?

— О старой дворцовой библиотеке, повелитель. Той, что существовала ещё во времена вашего деда. Там хранились книги, письма, карты и записи, которые не предназначались для обычных читателей.

— Почему я никогда не слышал о ней?

— Потому что после смерти вашего отца её закрыли. Большую часть рукописей перенесли в новое хранилище, а старые помещения оставили без присмотра.

Шахрияр повернулся к визирю.

— Абд аль-Хасан, ты знал об этом?

— Я знал, что существует старое хранилище. Но не знал, что там могут находиться важные документы.

— Тогда сегодня мы туда отправимся.

Визирь попытался возразить:

— Повелитель, возможно, разумнее сначала проверить помещения. Если там действительно хранятся документы, следует подготовить охрану.

— Подготовь. Но без лишнего шума.

Через час небольшая группа спустилась по узкой лестнице в старую часть дворца. Здесь пахло пылью, воском и сыростью. Каменные стены хранили прохладу даже в жаркие дни, а редкие лампы освещали лишь ближайшие повороты коридоров.

В конце длинного прохода находилась тяжёлая дверь с потемневшей бронзовой накладкой. Рашид достал ключ.

— Попробуй, — сказал халиф.

Ключ вошёл в замок не сразу. Рашид повернул его осторожно, и изнутри раздался сухой щелчок. Дверь поддалась.

За ней открылась просторная комната. Вдоль стен стояли высокие деревянные шкафы, на полках лежали свитки и книги, многие из которых были покрыты толстым слоем пыли. В центре помещения находился большой стол, а над ним висела старая лампа с потемневшим стеклом.

Фарид остановился на пороге.

— Здесь ничего не изменилось, — прошептал он.

— Ты бывал здесь? — спросил Шахрияр.

— Да, повелитель. Когда-то я сопровождал сюда вашу мать. Она любила читать старые истории и просила меня находить для неё редкие песни.

Халиф медленно прошёл вдоль полок. Он коснулся пальцами корешков нескольких книг, пытаясь узнать знакомые названия. Воспоминания возвращались неохотно, словно прятались за множеством чужих голосов.

— Где искать? — спросил он.

Рашид снова посмотрел на деревянную пластинку.

— Возможно, дед оставил здесь ещё один знак.

Они начали осматривать комнату. Визирь проверял шкафы, стражники освещали дальние углы. Фарид подошёл к столу и провёл рукой по его краю.

— Странно, — произнёс он.

— Что именно? — спросил Рашид.

— Когда я был здесь в последний раз, на столе стояла небольшая чернильница. Её всегда ставили справа от лампы. Теперь её нет.

— Может быть, её убрали?

— Возможно. Но твой дед говорил, что некоторые вещи нельзя перемещать, даже если они кажутся бесполезными.

Рашид осмотрел стол. На его поверхности виднелись царапины и пятна от старых чернил. Он заметил, что одна из деревянных панелей немного отличается по цвету от остальных.

— Повелитель, взгляните сюда.

Шахрияр подошёл ближе.

— Что ты обнаружил?

— Здесь есть скрытый ящик.

Рашид осторожно надавил на край панели. Та слегка приподнялась, открывая небольшое углубление. Внутри лежал свёрток, перевязанный выцветшей синей лентой.

Фарид побледнел.

— Это она…

Шахрияр протянул руку, но остановился.

— Ты уверен?

— Я узнаю эту ленту. Лейла сама завязала её на письме, прежде чем передать твоему отцу.

Халиф развязал узел.

Внутри находился лист плотной бумаги с несколькими строками, написанными изящным женским почерком. Печать была целой, но от времени её края потемнели.

Шахрияр начал читать вслух.

«Повелитель, если это письмо когда-нибудь окажется в ваших руках, значит, я не смогла сама рассказать вам правду.

Я не крала письмо, предназначенное вашему отцу. Я лишь увидела то, что не должна была видеть: люди, которым доверено хранить казну и защищать простых жителей, обманывают правителя и присваивают то, что принадлежит народу.

Я знаю, что меня обвинят. Я знаю, что мои слова сочтут ложью. Но прошу вас помнить: я никогда не предавала женщину, которую называла своей подругой, и никогда не желала зла её детям.

Если однажды вы услышите песню о птице над волной, знайте: это знак того, что правда ещё жива.

Лейла».

Шахрияр дочитал письмо и некоторое время молчал.

— Здесь нет имени виновного, — произнёс он наконец.

Фарид наклонился над столом.

— Подождите, повелитель. Возможно, письмо не един-

ственное.

Он осторожно развернул внутреннюю складку ткани, в которую был завёрнут лист. Оттуда выпал маленький кусочек бумаги. На нём стояла короткая запись:

«Оригинал хранится у того, кто получил приказ уничтожить его копию. Он не исполнил приказ».

Шахрияр поднял голову.

— Кто получил этот приказ?

Фарид долго смотрел на запись.

— Я не знаю, повелитель. Но ваш отец доверял одному человеку больше, чем всем остальным. Это был его личный писец, старый Самир.

Абд аль-Хасан нахмурился.

— Самир умер до моего назначения визирем. Его сыновья давно покинули Багдад.

— А внуки? — спросил Шахрияр.

Визирь задумался.

— Один из них служит в дворцовой канцелярии. Его зовут Яхья ибн Самир.

Халиф медленно сложил письмо.

— Значит, нам предстоит найти человека, который может знать, где находится оригинал.

В этот момент один из стражников, осматривавший дальнюю часть комнаты, обнаружил на полу свежую царапину. Он наклонился и поднял небольшой кусок воска. На нём сохранился отпечаток печати с изображением сокола.

Абд аль-Хасан сразу узнал знак.

— Это печать Мансура ибн Харуна, повелитель.

Шахрияр посмотрел на него.

— Значит, он уже был здесь.

— Или кто-то воспользовался его печатью, — осторожно заметил визирь.

— Ты опять ищешь оправдание прежде, чем узнал правду?

Абд аль-Хасан опустил голову.

— Нет, повелитель. Я лишь хочу, чтобы виновный был установлен точно.

Шахрияр убрал письмо в футляр.

— Хорошо. Тогда мы установим это. Но отныне никто не покинет дворец без моего разрешения, если он имеет доступ к старым архивам.

Он повернулся к Рашиду.

— Ты нашёл не только письмо. Ты открыл дверь, за которой скрывается история моей семьи. Я не забуду этого.

Рашид склонил голову, но ничего не ответил.

Когда они вышли из старой библиотеки, Фарид задержался у порога. Он ещё раз оглянулся на комнату, где когда-то бывала Лейла.

— Что тебя тревожит? — спросил Рашид.

— Мы нашли письмо, но не нашли человека, который сохранил оригинал. А тот, кто сжёг его копию, знает, что мы теперь близко.

— Значит, он попытается остановить нас?

— Уже пытается.

Фарид посмотрел на юношу и добавил:

— Запомни, Рашид: самая опасная тайна не та, которую скрывают от людей. Самая опасная — та, которую кто-то готов защищать даже после собственной смерти.

А далеко от старой библиотеки, в доме Мансура ибн Харуна, человек с перстнем сокола получил короткое сообщение из дворца.

«Они нашли письмо Лейлы».

Мансур прочитал его дважды. Затем подошёл к окну, за которым начинался вечерний Багдад.

— Значит, старик всё-таки заговорил, — произнёс он.

Он позвал слугу.

— Найди Яхью ибн Самира. Скажи ему, что настало время вспомнить обещание, данное его деду.

И, помолчав, добавил:

— А если он откажется, напомни ему, что некоторые долги переходят от отцов к сыновьям.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТЕНИ ПРОШЛОГО И ЦЕНА ПРАВДЫ

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

НАСЛЕДНИК ЧУЖОЙ КЛЯТВЫ

В ту ночь Яхья ибн Самир долго не мог заснуть. Послание Мансура ибн Харуна он получил незадолго до заката, когда возвращался из дворцовой канцелярии. Слуга передал ему

небольшой свёрток без печати. Внутри лежала полоска пергамента с несколькими словами:

«Настало время вспомнить обещание, данное твоим дедом».

Яхья перечитал записку и спрятал её в ящик письменного стола. Он знал, о каком обещании шла речь. Дед рассказывал ему об этом лишь однажды, незадолго до смерти, и строго запретил когда-либо повторять услышанное. Тогда Яхья был ещё мальчиком и не понимал, почему старый Самир, человек тихий и почтенный, вдруг заговорил о страхе, предательстве и вине.

Теперь всё стало гораздо яснее.

Он помнил рассказ деда о женщине по имени Лейла. Помнил и то, что Самир был свидетелем её обвинения. Но самое страшное заключалось в другом: именно деду было поручено уничтожить письмо, доказывавшее её невиновность. Он не выполнил приказ. Вместо этого спрятал оригинал, а затем до конца жизни боялся, что его тайна станет известна.

Яхья не знал, где находилось письмо. Дед никогда не называл места. Он лишь говорил, что однажды правде понадобится человек, который не побоится её открыть.

Но теперь Мансур требовал от него совсем другого.

Утром Яхья отправился к нему.

Дом Мансура стоял в богатом квартале, неподалёку от дворца. Его фасад украшали резные деревянные балконы, а у входа дежурили двое вооружённых слуг. Внутри всё свиде-

тельствовало о достатке хозяина: ковры из Шираза, серебряные светильники, расписные керамические сосуды и мебель из редкого тёмного дерева.

Мансур встретил гостя в небольшом зале.

— Ты получил моё послание, — сказал он.

— Получил.

— И понял, что от тебя требуется?

— Я понял, что вы хотите заставить меня выполнить обещание, которого я не давал.

Мансур усмехнулся.

— Твой дед дал его от твоего имени.

— Дед не имел права распоряжаться моей совестью.

— Осторожнее, Яхья. Такие слова могут дорого обойтись человеку, который служит при дворе.

— Я служу халифу, а не вам.

Улыбка исчезла с лица Мансура.

— Твой дед был человеком разумным. Он понимал, что некоторые истины способны разрушить больше, чем исправить. Он знал, что случится, если письмо Лейлы попадёт в руки Шахрияра.

— Тогда почему оно должно было быть уничтожено?

— Потому что оно могло погубить невиновных.

— Или виновных?

Мансур резко поднялся.

— Не пытайся изображать из себя судью. Ты ничего не знаешь о тех событиях.

— Зато вы знаете слишком много для человека, который утверждает, что ничего не произошло.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга.

Затем Мансур подошёл к столу и достал небольшой кожаный мешочек. Внутри звякнули золотые монеты.

— Забери это. Уезжай из Багдада. Скажи, что ничего не знаешь. Никто не станет тебя преследовать.

Яхья посмотрел на деньги, но не прикоснулся к ним.

— Мой дед всю жизнь жалел, что однажды промолчал. Я не собираюсь повторять его ошибку.

Мансур медленно убрал мешочек.

— Тогда ты сам выбрал свою судьбу.

Яхья вышел из дома, не попрощавшись.

Однако он не направился обратно в канцелярию. Вместо этого он пошёл к старому кладбищу, где был похоронен его дед. Там, среди невысоких каменных надгробий и сухих деревьев, он долго стоял молча, словно надеялся услышать голос человека, которого давно не было рядом.

— Ты говорил, что однажды мне придётся выбирать, — прошептал он. — Я выбрал.

Но ответа не последовало.

Когда Яхья уже собирался уходить, к нему подошёл незнакомец в простой дорожной одежде.

— Ты внук Самира?

— Кто спрашивает?

— Человек, который знает, где находится то, что твой дед

не смог уничтожить.

Яхья насторожился.

— Что именно?

Незнакомец посмотрел по сторонам.

— Оригинал письма Лейлы. И кое-что ещё.

— Кто вы?

— Меня зовут Саид. Я был помощником твоего деда. Он велел мне ждать, пока ты придёшь сюда по собственной воле.

Яхья почувствовал, как у него пересохло во рту.

— Где письмо?

— Не здесь. Но если хочешь его увидеть, приходи сегодня после полуночи к старому водяному колесу за городскими стенами. И никому не говори о нашей встрече.

Саид повернулся и исчез между надгробиями.

Яхья ещё некоторое время стоял на месте. Теперь он понимал, что прошлое, которое дед пытался скрыть от него, оказалось гораздо опаснее, чем он предполагал.

А во дворце Шахрияр ждал новостей от визиря. Он не знал, что внук человека, сохранившего письмо Лейлы, уже сделал первый шаг к раскрытию тайны.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
ВОДЯНОЕ КОЛЕСО

Ночь была безлунной. Над Багдадом стояла тёплая тишина, нарушаемая лишь редкими голосами ночных сторожей и плеском воды у берегов Тигра. За городской стеной, среди садов и заброшенных построек, медленно вращалось старое

водяное колесо. Когда-то оно поднимало воду из реки и распределяло её по каналам, орошавшим окрестные поля. Теперь механизм почти не использовался, но продолжал двигаться благодаря течению.

Яхья пришёл туда незадолго до полуночи.

Саид уже ждал его возле деревянного навеса.

— Ты пришёл один? — спросил он.

— Как и обещал.

— Хорошо. Пойдём.

Они спустились по узкой тропе к берегу. За водяным колесом находилась небольшая каменная постройка, почти скрытая зарослями. Саид отодвинул тяжёлую деревянную заслонку и зажёг лампу.

Внутри оказалось сухое помещение с каменными полками. На одной из них стоял старый глиняный сосуд, закрытый деревянной крышкой.

— Здесь? — спросил Яхья.

— Здесь начало того, что ты ищешь.

Саид снял крышку. В сосуде лежали несколько свёрнутых листов, перевязанных кожаным ремешком. Он осторожно достал их и протянул Яхье.

Тот развернул первый лист. Почерк принадлежал его деду.

«Если ты читаешь эти строки, значит, пришло время рассказать то, о чём я молчал всю жизнь.

Я сохранил письмо Лейлы не ради себя и не ради тех, кто

однажды может воспользоваться им в собственных интересах. Я сохранил его потому, что видел, как несправедливо поступили с невиновной женщиной.

Но письмо — лишь часть правды. Настоящее свидетельство находится у человека, который присутствовал при передаче казённых земель семье Харуна. Его зовут Ибрагим. Он был писцом при дворце и собственными глазами видел подделку документов.

Я не знаю, жив ли он. Если жив, ищи его в квартале кожевников. Когда-то он держал там небольшую лавку».

Яхья опустил лист.

— Значит, дед знал свидетеля?

— Знал, — ответил Саид. — Но Ибрагим исчез вскоре после того, как Лейлу изгнали из дворца. Его искали, однако никто не нашёл.

— А письмо?

Саид достал второй свёрток.

— Вот оно.

Яхья развернул пожелтевший лист. На нём стояла печать покойного халифа. Почерк был женским, изящным и уверенным. Это было письмо Лейлы, то самое, которое она пыталась передать правителю.

Но внизу, под основным текстом, имелась ещё одна запись, сделанная другим почерком:

«Я подтверждаю, что изложенные здесь сведения соответствуют действительности. Документы о передаче земель бы-

ли изменены после моего отказа поставить подпись. Оригиналы находились в распоряжении Харуна ибн Саида».

Под записью стояла подпись.

Ибрагим.

— Теперь понятно, почему Мансур так боится этого письма, — произнёс Яхья.

— Не только его, — ответил Саид. — В письме упоминается имя Харуна, но существуют и другие документы. Твой дед успел собрать несколько свидетельств. Если они будут найдены, станет ясно, что обман продолжался много лет и принёс огромные богатства семье Харуна.

Яхья внимательно изучил бумаги.

— Почему же дед не передал их халифу?

— Потому что боялся за тебя.

— За меня?

Саид кивнул.

— Когда твой дед отказался уничтожить письмо, Харун пригрозил расправиться с его семьёй. Он сказал, что если Самир заговорит, его дети и внуки останутся без защиты. Старик решил ждать. Он надеялся, что однажды обстоятельства изменятся.

— И теперь они изменились?

— Теперь халиф сам ищет правду.

Яхья сложил бумаги.

— Я отнесу их Шахрияру.

Саид остановил его жестом.

— Не торопись. Сначала нужно найти Ибрагима. Без его свидетельства Мансур может объявить письмо подделкой. Он скажет, что твой дед был обиженным человеком, который решил оклеветать его семью.

— Но здесь печать покойного халифа!

— Печать можно подделать. А вот живого свидетеля подделать нельзя.

Яхья задумался.

— Значит, нам нужно отправиться в квартал кожевников.

— Да. Но будь осторожен. Мансур уже знает, что ты отказался ему подчиняться.

В этот момент снаружи послышался хруст гравия.

Саид погасил лампу.

Они замерли.

Кто-то осторожно приближался к постройке. Затем раздался негромкий стук в деревянную заслонку.

— Яхья, — прошептал Саид. — Уходи через задний выход. Здесь есть узкий проход к реке.

— А вы?

— Я задержу их.

— Нет. Мы уйдём вместе.

Старик схватил его за руку.

— Послушай меня. Твой дед доверил мне сохранить эти бумаги. Я не позволю, чтобы они снова исчезли. Возьми письмо и иди. Если мы оба попадём к ним в руки, всё окажется напрасным.

Яхья хотел возразить, но снаружи снова постучали. На этот раз сильнее.

— Открывай! Именем Мансура ибн Харуна!

Саид подтолкнул Яхью к задней стене.

— Иди!

Яхья спрятал бумаги под одеждой и выбрался через узкий проход. Он услышал, как заслонка распахнулась, как в помещении заговорили незнакомые люди, а затем раздался глухой удар.

Он остановился лишь у самого берега. Вода тихо плескалась у камней. Вдали виднелись огни Багдада.

Яхья понял, что теперь уже не сможет вернуться к прежней жизни. Он стал хранителем тайны, которая могла изменить судьбу многих людей.

Но он не знал, что в тот же час в другом конце города один из людей Мансура уже направлялся к дому Ибрагима.

А в покоях халифа Шахрияр впервые за долгое время спал спокойно. Ему снилась мать. Она сидела в саду и пела старую песню, а рядом стояла Лейла, улыбаясь ему так, словно все эти годы они ждали лишь одного — чтобы он наконец вспомнил.

Когда сон рассеялся, Шахрияр открыл глаза и долго смотрел на рассветное небо.

Он ещё не знал, что до правды осталось совсем немного. Но теперь впервые за многие годы ему хотелось не наказать кого-нибудь, а восстановить то, что когда-то было разруше-

но.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПОМНИЛ ПРАВДУ

Йахья покинул старое водяное колесо незадолго до рассвета. Он шёл не по дороге, а вдоль высохшего русла канала, где между камнями пробивались редкие пучки жёсткой травы. За спиной оставались крики людей Мансура, тяжёлый скрип колеса и Саид, который остался задержать преследователей. Йахья не знал, удалось ли старому помощнику Самира уйти от них. Эта неизвестность тяготила его сильнее, чем страх за собственную жизнь.

В небольшой кожаной сумке под одеждой лежали документы, ради которых уже пролилась кровь. Он несколько раз проверял её рукой, словно боялся, что бумаги исчезнут сами собой. Письмо Самира, старые записи, имена людей, участвовавших в подмене земельных грамот, — всё это теперь было не просто свидетельством преступления. Оно стало обещанием, которое Йахья дал самому себе: правда не должна снова оказаться погребённой под камнями дворцовых стен.

Когда над городом поднялось солнце, он уже добрался до квартала красильщиков. Здесь начинался другой Багдад — не тот, что встречал приезжих ароматами благовоний и блеском медных фонтанов. Узкие улицы были пропитаны запахами сырой кожи, дубильных растворов и дыма. У дверей мастерских лежали шкуры, на верёвках сушились окрашенные ткани, а рабочие с рассвета месили в больших чанах гу-

стые растворы. Здесь люди редко задавали лишние вопросы. Чужая тайна никого не удивляла, если не мешала зарабатывать на хлеб.

Йахья нашёл старую лавку, указанную в записке Саида. Над дверью висела выцветшая вывеска с изображением глиняного кувшина. Внутри было прохладно и темно. За прилавком сидел худой человек с седой бородой, перебирая ремешки и небольшие куски кожи.

— Мне нужен Ибрахим, — тихо произнёс Йахья.

Старик не поднял головы.

— Здесь много людей с таким именем.

— Тот, кто когда-то переписывал земельные грамоты в дворцовой канцелярии.

Рука старика остановилась.

— Ты ошибся дверью, юноша.

— Возможно. Но меня послал Саид, бывший помощник писца Самира.

Теперь старик посмотрел на него. В его глазах не было удивления — только усталость человека, который слишком долго ждал беды и наконец услышал её шаги.

— Кто ты?

— Йахья. Внук Самира.

Старик медленно отложил ремешок.

— Значит, кровь всё-таки заговорила. Я надеялся, что твоего деда оставят в покое хотя бы после смерти.

— Его уже не оставили. Люди Мансура ищут бумаги, ко-

торые он сохранил.

Ибрахим поднялся. Он был старше, чем Йахья ожидал, но двигался удивительно уверенно. На нём была простая рабочая одежда, руки покрывали следы старых ожогов, а на правой щеке виднелся тонкий шрам.

— Не произноси это имя здесь, — сказал он. — У стен бывают уши, а у людей, которые служат богатым, иногда бывают глаза даже там, где их никто не ждёт.

Он провёл Йахью через заднюю дверь в маленький дворик. Там стоял навес, под которым сушились кожаные полосы. За ним находилась неприметная комната, заставленная глиняными сосудами и пустыми корзинами. Ибрахим запер дверь и только тогда протянул руку.

— Покажи, что принёс.

Йахья достал из сумки письмо Самира и осторожно разложил его на низком столе. Старик долго рассматривал почерк, затем провёл пальцами по краю бумаги.

— Я узнаю эту руку, — прошептал он. — Твой дед писал так, словно каждое слово могло стать последним.

— Он сказал, что вы были свидетелем подмены грамот.

— Я был не просто свидетелем. Я собственными руками переписывал документы, которые мне приносили из дворца. Сначала я верил, что речь идёт об исправлении ошибок. Потом понял, что одни и те же земли исчезают из списков владельцев, а через несколько дней появляются в записях людей, никогда прежде не имевших к ним отношения.

— Кто отдавал распоряжения?

Ибрахим не ответил сразу. Он подошёл к узкому окну, отодвинул ткань и посмотрел на улицу.

— Ты слишком рано хочешь узнать имя. Сначала нужно понять, почему оно столько лет оставалось скрытым.

— Мансур ибн Харун уже знает, что бумаги найдены. Он не остановится.

— Мансур — наследник чужой жадности. Но не он начал это дело. Его семья получила выгоду от преступления, которое было совершено задолго до его рождения. И если ты думаешь, что достаточно показать султану старую грамоту, чтобы всё исправить, ты ещё не знаешь, насколько глубоко пустили корни те, кто однажды решил обмануть целый город.

— Тогда расскажите мне всё.

Старик сел напротив него. Несколько мгновений он смотрел на молодого человека, словно пытался разглядеть в его лице черты деда.

— В ту пору я был молод и считал, что служба при дворе — это честь. Мне казалось, что если человек умеет читать, писать и хранить тайны, то он уже приносит пользу государству. Но однажды мне принесли три земельные грамоты. В них говорилось, что жители нескольких селений добровольно уступили свои земли казне в обмен на защиту и денежное возмещение. Я знал этих людей. Никто из них ничего не подписывал.

— Вы сообщили об этом?

— Сначала Самиру. Он проверил записи и обнаружил, что печати на документах были подлинными, а подписи — искусными подделками. Тогда он велел мне ничего не предпринимать, пока мы не узнаем, кто стоит за этим. Он боялся, что обвинение без доказательств погубит не только нас, но и тех, кто решится говорить.

— А потом?

— Потом умерла мать шаха. Во дворце начались перемены. Одни советники исчезли, другие получили новые должности. Лейлу обвинили в краже письма, а Самира отстранили от службы. Я понял, что нас разоблачили. В ту ночь мне пришлось бежать.

Йахья почувствовал, как холодеют пальцы.

— Значит, обвинение Лейлы было частью того же заговора?

— Да. Она узнала о подмене документов и пыталась передать сведения матери шаха. Её сделали виновной, чтобы никто не стал слушать её слова. Самир сохранил письмо, потому что знал: однажды оно может понадобиться.

— Но кто же был главным?

Ибрахим тяжело вздохнул.

— Я видел распоряжение. Не знаю, кто его написал, но знаю, чья печать стояла внизу. Это была печать человека, который имел право говорить от имени самого халифа.

Йахья наклонился вперёд.

— Вы помните его имя?

— Помню. Но прежде чем назвать его, я должен показать тебе то, что сохранил все эти годы. В бумагах Самира есть лишь часть правды. Остальное находится у меня.

Старик поднялся и подошёл к большому глиняному сосуду в углу комнаты. Он отодвинул корзины, снял крышку и достал изнутри свёрток, завёрнутый в промасленную ткань. Развернув её, Ибрахим показал несколько пожелтевших листов и маленькую деревянную дощечку с вырезанным знаком сокола.

Йахья узнал этот знак. Такой же был оттиснут на восковой печати, найденной в старой библиотеке.

— Откуда это у вас?

— Из канцелярии. Я забрал дощечку в ту ночь, когда понял, что за нами охотятся. Она принадлежала не Мансуру. Она была знаком человека, который управлял дворцовыми делами ещё при прежнем халифе.

Старик вновь завернул документы.

— Сегодня ты останешься здесь. До вечера мы не выйдем на улицу. А ночью я отведу тебя туда, где ты увидишь не только бумаги, но и то, что они скрывают.

— Куда?

Ибрахим посмотрел на него с неожиданной тревогой.

— В дом, который давно считается пустым. Там жил человек, которого все называли верным слугой халифа. И если он ещё жив, то знает, почему Лейла должна была навсегда

исчезнуть из Багдада.

Йахья хотел спросить ещё, но с улицы донёсся резкий стук. Кто-то остановился у двери лавки.

Ибрахим погасил лампу.

Они замерли в темноте. За стеной послышались голоса. Один из них Йахья узнал сразу — это был голос человека, который ещё ночью преследовал его у водяного колеса.

— Мы ищем старого писца, — произнёс незнакомец. — Нам сказали, что он бывает здесь.

Ибрахим бесшумно подошёл к Йахье и приложил палец к губам.

Впервые за всё время молодой человек понял, что опасность пришла не вслед за ним. Она уже ждала его здесь.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
ПЕЧАТЬ ЧУЖОЙ ВЛАСТИ

За дверью продолжали разговаривать. Йахья различал отдельные слова, но не мог понять, сколько людей пришло вместе с посланцем Мансура. Ибрахим стоял неподвижно, прислушиваясь к каждому звуку. Его лицо, освещённое тонкой полоской света из-под двери, казалось высеченным из старого дерева.

— Откройте! — повторил человек снаружи. — Мы не собираемся задерживаться.

— Старый мастер ушёл к поставщикам, — раздался голос мальчика-подмастерья. — Здесь никого нет.

— Тогда мы подождём.

Ибрахим медленно повернулся к Йахье и указал на узкую дверь в дальней стене. За ней находилась кладовая, а из кладовой начинался проход между соседними мастерскими. Старик открыл дверцу и жестом велел юноше идти первым.

Они пробирались почти на ощупь. В одном месте пришлось нагнуться под низкой балкой, в другом — переступить через кучу пустых корзин. Наконец проход вывел их в маленький двор, где женщина развешивала выстиранное бельё. Она взглянула на Ибрахима, затем на Йахью, но ничего не спросила.

— Пойдём, — тихо сказал старик.

Они покинули квартал через узкий переулок и вышли к старому рынку. Только отдалившись на несколько улиц, Ибрахим позволил себе остановиться.

— Теперь ты понимаешь, почему я не хотел говорить с тобой в лавке?

— Они знали, что я пришёл к вам.

— Возможно, за тобой следили от самого водяного колеса. Возможно, кто-то из людей Саида был вынужден выдать место встречи. А может быть, Мансур давно держит под наблюдением всех, кто когда-то служил во дворце. Неважно. Теперь нам нельзя возвращаться туда, где нас уже искали.

— Но вы сказали, что ночью отведёте меня в пустой дом.

— Мы пойдём туда сейчас. До наступления темноты нас будет легче заметить, зато у нас останется время осмотреться и уйти, если дом окажется под наблюдением.

Они направились к северной окраине старого города. Там, среди полуразрушенных строений и заброшенных садов, стоял дом с высоким глухим забором. Его ворота покрылись ржавчиной, а над дверью сохранилась каменная надпись, почти стёртая временем.

— Здесь жил Халид ибн Сафар, — сказал Ибрахим. — При прежнем халифе он ведал дворцовыми распоряжениями и имел доступ к документам, которые не показывали даже большинству советников.

— Вы говорили, что он знал о подмене грамот?

— Он знал больше, чем я. И, возможно, именно поэтому его имя исчезло из дворцовых записей.

Ибрахим достал из-за пояса небольшой ключ. Замок поддался не сразу. Когда ворота открылись, из глубины двора пахнуло сыростью и пылью. Дом выглядел заброшенным, но Йахья заметил, что возле порога недавно ступала чья-то нога: в пыли остался свежий след.

— Здесь кто-то был, — прошептал он.

Старик присел, внимательно осмотрел отпечаток.

— Не один раз. Следы ведут внутрь.

Они вошли в дом. В большой комнате стояли опрокинутые стулья, на полу валялись обрывки ткани, а на стене сохранилось потемневшее изображение сада. Ибрахим провёл рукой по каменной кладке возле ниши, затем нажал на один из выступов. Часть стены бесшумно отодвинулась, открывая узкую лестницу вниз.

— Этот ход был известен только Халиду и нескольким людям, которым он доверял, — объяснил старик. — Я оказался среди них случайно. Однажды он вызвал меня сюда и велел переписать несколько документов. Тогда я ещё не понимал, почему он прячет их от дворца.

Подземная комната оказалась небольшой, но сухой. Вдоль стен стояли деревянные ящики. На одном из них Йахья заметил вырезанную надпись: «Земля принадлежит тому, кто её возделывает».

— Это слова твоего деда, — тихо произнёс Ибрахим. — Он однажды сказал их Халиду. Тот не забыл.

Старик открыл ящик. Внутри лежали свитки, несколько металлических печатей и небольшая книга в кожаном переплёте. Ибрахим осторожно достал её и положил перед Йахьей.

— Здесь записи о передаче земель. Не копии официальных грамот, а первоначальные распоряжения. В них указано, кто приказал изменить списки, кто получил землю и кто должен был следить, чтобы прежние владельцы не смогли оспорить решение.

Йахья открыл книгу. Почерк был аккуратным, почти безупречным. На первых страницах перечислялись селения, площади участков и имена семей. Рядом с каждым именем стояла отметка о том, что земля якобы передана добровольно. Но на следующих страницах обнаруживались другие записи: настоящие владельцы были названы, суммы возмеще-

ния оставались пустыми, а напротив некоторых селений стояла одна и та же пометка — «по особому распоряжению».

— Это доказательство, — прошептал Йахья.

— Одно из доказательств. Но самое важное — последняя страница.

Ибрахим перевернул несколько листов. Там находился текст распоряжения, составленного рукой Халида. Под ним стояли дата, подпись и оттиск печати.

Йахья побледнел.

— Это же не печать Мансура.

— Нет. И не печать твоего деда.

— Чья она?

Ибрахим долго молчал, словно само произнесение имени могло вернуть в комнату человека, которого давно не было в живых.

— Это печать великого распорядителя дворца. Человека, который при прежнем халифе отвечал за казну, земли и исполнение тайных поручений. Его звали Надир ибн Салих.

Йахья слышал это имя. Надир умер много лет назад, но его считали одним из самых преданных государственных служителей. При дворе о нём говорили с уважением. Даже после смерти его имя приводили в пример молодым чиновникам, напоминая, что верность государю важнее личной выгоды.

— Но если это его печать, значит, он и был главным виновником?

— Не торопись. Печать доказывает, что распоряжение прошло через его руки. Но не доказывает, что он составил его сам. Возможно, он исполнял чужую волю. Возможно, участвовал в заговоре. Я не знаю. Халид не успел рассказать мне всего.

— Почему же вы не передали эти документы халифу?

Ибрахим посмотрел на юношу с горечью.

— Потому что тогдашний халиф уже не желал слышать о них. Он был окружён людьми, которые убеждали его, что любое сомнение в распоряжениях дворца есть покушение на его власть. Халид пытался говорить с ним, но вскоре оказался обвинён в растрате. Его имущество конфисковали, а сам он исчез. Я больше никогда его не видел.

— Вы думаете, он погиб?

— Я думал так много лет. Но теперь, когда люди Мансура снова ищут эти бумаги, мне кажется, что кто-то знает больше, чем должен знать о старых событиях.

Йахья снова посмотрел на книгу. Он понял, что найденные свидетельства могут разрушить не только положение Мансура, но и память о человеке, которого Багдад считал образцом преданности. Истина оказалась сложнее, чем простое противостояние честных людей и злодеев. За каждым документом стоял человеческий выбор, а за каждым выбором — страх, выгода или надежда сохранить власть.

— Нам нужно показать это шаху, — сказал он.

— Да. Но не всё сразу. Если ты принесёшь ему одну стра-

ницу с именем Надира, ты можешь невольно заставить его защищать память о человеке, которого он уважал. Сначала нужно найти доказательство того, кто отдал приказ. Иначе правда снова превратится в спор, где победит тот, у кого громче голос.

— Где искать?

Ибрахим закрыл книгу.

— У Халида был сын. Его звали Салман. После исчезновения отца он покинул Багдад. Если он жив, то может знать, что произошло в последние дни перед арестом Халида. Он был молод, но присутствовал при разговоре, который я слышал лишь из соседней комнаты.

— Вы знаете, где он?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.